

TEMPUS
ET
MEMORIA

TEMPUS ET MEMORIA

Журнал основан в 2006 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель: Издательство Уральского университета, 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Мы представляем единственный в России журнал, который специализируется на проблемах изучения социальной, исторической, культурной памяти и социальной темпоральности. В журнале печатаются статьи по философии, политологии и истории. Материалы представлены в рубриках по проблемам, разработка которых требует совместных усилий философов, историков и политологов. Редакционная политика «Tempus et Memoria» строится на принципах научного плюрализма: позиция авторов журнала не обязательно отражает точку зрения редколлегии. Редакция журнала стремится соответствовать строгим критериям научности, все материалы проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию и печати принимаются материалы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется участию молодых перспективных исследователей — аспирантов или соискателей. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

E-mail: tempusetmemoria@urfu.ru

Сайт: tempusetmemoria.ru

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319, «Tempus et Memoria»

© Уральский федеральный университет, 2023

TEMPUS ET MEMORIA

The Journal was founded in 2006
Published two times per year

Founded by Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher: Ural University Press
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate EL FS77-79281
as of October 02, 2020

The Journal is indexed in: Science Index (eLibrary)

The journal publishes articles on philosophy, history and political science. The materials are presented under the headings on problems, the development of which requires the joint efforts of philosophers, historical and political scientists. The editorial policy of “Tempus et Memoria” is based on the principles of scientific pluralism: the position of the authors of the journal does not necessarily reflect the point of view of the editorial board. The editors of the journal strive to meet strict criteria for scientificity, all materials undergo double-blind peer review. Materials in Russian and English are accepted for review and printing. Particular attention is paid to the participation of young promising researchers — graduate students or applicants. Publications in the journal are carried out on a non-commercial basis.

Email: tempusetmemoria@urfu.ru
tempusetmemoria.ru

Editorial Office Address: 51, room 319, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Tempus et Memoria

© Ural Federal University, 2023

Главный редактор

О. В. Головашина, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный секретарь

Е. С. Лебедь (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Редакторы разделов

А. А. Линченко, к. ф. н. (Россия, Липецк, Липецкий филиал Финансового университета при Правительстве РФ) — редактор раздела по философии

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) — редактор раздела по политологии

К. Д. Бугров, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук) — редактор раздела по истории

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М. Г. Агапов, д. и. н. (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет)

Д. А. Аникин, к. ф. н. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Беляева, к. ф. н. (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет)

А. Г. Васильев, к. и. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

И. О. Дементьев, к. и. н. (Россия, Калининград, Балтийский федеральный университет)

Д. В. Ефременко, д. п. н. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН)

Е. Махотина, PhD (Германия, Бонн, Рейнский университет Фридриха Вильгельма в Бонне)

А. С. Меньшиков, к. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. В. Михалев, д. п. н. (Россия, Улан-Удэ, Бурятский государственный университет)

М. М. Мчедлова, д. п. н. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

Ф. В. Николаи, д. ф. н. (Россия, Нижний Новгород, Мининский университет)

И. О. Пешков, PhD (Польша, Познань, Университет им. Адама Мицкевича)

О. С. Поршнева, д. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Е. Соболева, д. ф. н. (Австрия, Клагенфурт, Альпийско-Адриатический университет Клагенфурта)

Е. О. Труфанова, д. ф. н. (Россия, Москва, Институт философии Российской академии наук)

Е. С. Черепанова, д. ф. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Миллер, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге) (**председатель**)

Ш. Бергер, PhD (Германия, Бохум, Рурский университет в Бохуме)

В. А. Кокшаров, к. и. н. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

М. Ларюэль, PhD (США, Вашингтон, Университет Джорджа Вашингтона)

Н. А. Ломагин, д. и. н. (Россия, Санкт-Петербург, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

О. Ю. Малинова, д. ф. н. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Т. Л. Никодемо, PhD (Бразилия, Сан-Паулу, Университет Кампинас)

Л. Ноймайер, PhD (Франция, Париж, Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна)

Л. П. Репина, д. и. н. (Россия, Москва, Институт всеобщей истории Российской академии наук)

Р. Саква, PhD (Великобритания, Кентербери, Кентский университет)

В. Н. Сыров, д. ф. н. (Россия, Томск, Томский государственный университет)

Б. Тренченьи, PhD (Венгрия, Будапешт, Центральный Европейский университет)

М. Б. Хомяков, д. ф. н. (Кыргызстан, Бишкек, Университет Центральной Азии)

Дизайн обложки — Ольга Язовская

Editor-in-Chief

O. Golovashina, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Managing Editor

E. Lebed (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

Partition editor

A. Linchenko, PhD (Russia, Lipetsk, Financial University under the Government of the Russian Federation), Philosophy Section Editor

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg), Political Science Section Editor

K. Bugrov, (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), History Section Editor

EDITORIAL BOARD

M. Agapov, PhD (Russia, Tumen, University of Tyumen)

D. Anikin, PhD (Russia, Moscow, Moscow State University)

E. Belyaeva, PhD (Belarus, Minsk, Belarusian State University)

E. Cherepanova, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

I. Dementev, PhD (Russia, Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University)

D. Efremenko, PhD (Russia, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences)

E. Makhotina, PhD (Germany, Bonn, University of Bonn)

M. Mchedlova, PhD (Russia, Moscow, RUDN University)

A. Menshikov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

A. Mikhalev, PhD (Russia, Ulan-Ude, Buryat State University)

F. Nikolai, PhD (Russia, Nizhny Novgorod, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University)

I. Peshkov, PhD (Poland, Poznan, Adam Mickiewicz University in Poznan)

O. Porshneva, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Soboleva, PhD (Austria, Klagenfurt, University of Klagenfurt)

E. Trufanova, PhD (Russia, Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

A. Vasilyev, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

EDITORIAL COUNCIL

A. Miller, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg) (**Chairman**)

S. Berger, PhD (Germany, Bochum, Ruhr University Bochum)

M. Homyakov, PhD (Kyrgyzstan, Naryn, University of Central Asia)

V. Koksharov, PhD (Russia, Yekaterinburg, Ural Federal University)

M. Laruelle, PhD (USA, Washington, George Washington University)

N. Lomagin, PhD (Russia, St. Petersburg, European University at St. Petersburg)

O. Malinova, PhD (Russia, Moscow, National Research University Higher School of Economics)

T. L. Nicodemo, PhD (Brazil, São Paulo, University of Campinas)

L. Neumayer, PhD (France, Paris, Université de Paris 1 Panthéon-Sorbonne)

L. Repina, PhD, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

R. Sakwa, PhD (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Canterbury, University of Kent at Canterbury)

V. Syrov, PhD (Russia, Tomsk, Tomsk State University)

B. Trencsényi, PhD (Hungary, Budapest, Central European University)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТИ

- Сыров В. Н.**
Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности 6
- Лебедь Е. С.**
Память и формирование личностной идентичности в экзистенциальной философии Карла Ясперса 15

THEORETICAL GROUNDS FOR STUDYING MEMORY

- Syrov V. N.**
Family Memory and Historical Identity: can they be Considered Good Ways to Define Identity 6
- Lebed E. S.**
Memory and the Formation of Personal Identity in the Existential Philosophy of Karl Jaspers 15

ПАМЯТЬ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

- Кирчанов М. В.**
Политика коллективной исторической памяти в современной Грузии в начале 2020-х гг. 21
- Мегем М. Е., Манкевич Д. В.**
Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия 32
- Овчинников А. В.**
Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан) 46

MEMORY OF THE LOCAL COMMUNITIES

- Kyrchanoff M. W.**
The Policy of Collective Historical Memory in odern Georgia in the Early 2020s 21
- Megem M. E., Mankevich D. V.**
Domestic and Regional History in the Mirror of the Cultural Memory of Kaliningrad Residents: Generational Differences 32
- Ovchinnikov A. V.**
Ethnonational Stories: Socio-Political Foundations and Economics of Construction (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan) 46

РЕЦЕНЗИИ

- Цельковский А. А.**
Рецензия на монографию Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой «Петр I в медиа-памяти» 61
- Аникин Д. А.**
Рецензия на книгу Т. Ю. Покровской «Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках в селах Черноземья России» (СПб. : Алетей, 2022) 66

REVIEW

- Tselykovskiy A. A.**
Review of the Monograph “Peter the Great in Media Memory” by D. S. Artamonov and S. V. Tikhonova 61
- Anikin D. A.**
Review of the Book by T. Y. Pokrovskaya “The Religious Memory of the Peasantry in the XX–XXI Centuries in the Villages of the Chernozem Region of Russia” (St. Petersburg: Aleteya, 2022) 66

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТИ

Научная статья
УДК 392.3:159.953 + 316.356.2
doi 10.15826/tetm.2023.1.040

Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности

Василий Николаевич Сыров

Томский государственный университет, Томск, Россия

narrat@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения современных форм идентичности. В качестве условий ее формирования проанализирован потенциал семейной памяти и прошлого в целом. Определены перспективы исторической идентичности как пути формирования современной идентичности. Утверждается, что в ситуации доминирования и оправданности межпоколенческих разрывов семейную память нельзя считать необходимым условием формирования идентичности, претендующей на публичность и универсальность. Утверждается, что историческая идентичность в условиях сохранения и распространения национальной идентичности также не может стать необходимой и универсальной формой современной идентичности. В заключение выдвигается тезис, что предпочтительным путем формирования идентичности следует считать моральную идентичность.

Ключевые слова: семейная память, историческая идентичность, этноцентризм, моральная идентичность, культура отмены

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Для цитирования: Сыров В. Н. Семейная память и историческая идентичность: можно ли считать их хорошими путями для определения идентичности // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 6–14. doi 10.15826/tetm.2023.1.040

Original article

Family Memory and Historical Identity: can they be Considered Good Ways to Define Identity

Vasilij N. Syrov

Tomsk State University, Tomsk, Russia

narrat@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5498-4610>

Abstract. The article discusses the problem of defining modern forms of identity. As conditions for its formation, the potential of family memory and the past as a whole is analyzed. The prospects of historical identity as a way of forming modern identity are determined. It is argued that in a situation of dominance and justification of intergenerational gaps, family memory cannot be considered a necessary condition for the formation of an identity that claims to be public and universal. It is argued that historical identity in the context of the preservation and spread of national identity also cannot become a necessary and universal form of modern identity. In conclusion, the thesis is put forward that moral identity should be considered the preferred way of identity formation.

Keywords: family memory, historical identity, ethnocentrism, moral identity, cancellation culture

Acknowledgments: the study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>)

For citation: Syrov, V. N. (2023). Semeinaya pamyat' i istoricheskaya identichnost': mozhno li schitat' ikh khoroshimi putyami dlya opredeleniya identichnosti [Family Memory and Historical Identity: can they be Considered Good Ways to Define Identity]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 6–14. doi 10.15826/tetm.2023.1.040

В свете общей актуальности интереса к памяти [Артамонов, Тихонова, 16–20] встает резонный вопрос: насколько эти новые объекты уже не только научного, но и общественного интереса могут стать основаниями или способами формирования идентичности? В данном случае речь идет о так называемой семейной памяти и исторической идентичности в целом. Что касается исследований отечественных авторов в области темы семейной памяти, то можно отметить работы известного санкт-петербургского социолога Андрея Алексеева. Примечательно, помимо прочего, вполне правомерное стремление автора придать моральный статус этому роду деятельности. По его мнению, «необходимо воспитание в людях — и культуры жизнеописания как такового, и культуры сбережения личных архивов (прежде всего в семьях), и “культуры памяти” вообще как неотъемлемого элемента цивилизованного общества и личности». Фиксация семейных корней должна стать культурно-нравственным императивом [Алексеев 2013].

Трудно, да, видимо, и нет необходимости, оспаривать данные тезисы, особенно

в ситуации, когда любовь и уважение к родителям считаются не просто историческими ценностями, а моральными требованиями, относящимися к природе вещей или присутствующими роду человеческому как таковому. Поэтому поставим вопрос в более локальном аспекте: следует ли считать семейную память (или должна ли стать семейная память) необходимым условием или необходимым элементом формирования идентичности? Если же говорить об исторической идентичности, то вопрос можно поставить более общо: следует ли считать историческую идентичность (или должна ли стать историческая идентичность) необходимой формой современной идентичности в условиях доминирования историзма?

Если говорить об истолковании исторической идентичности, то можно оттолкнуться от размышлений Йорна Рюзена и Германа Люббе. По Рюзену, «историческая идентичность — это воплощение когерентно опосредованных различных идентификаций во временном пространстве [Rüsen 2017]. Рюзен разъясняет эту мысль, указывая, что, как идентичность, она отсылает к настоящему,

отвечая на вопрос «кто я есть?», а как имеющая исторический характер, связывает настоящее с прошлым. Поскольку идентичность предполагает не просто констатацию того, кто я есть в данный момент времени, но и указание на желательность и даже необходимость сохранения данной фиксации как более-менее устойчивой и непрерывной, то строится на синтезе фактичности и нормативности [Rüsen 2017, 207]. Обеспечивает этот синтез исторический нарратив. Более того, он же переводит, так сказать, приватное в публичное. Как пишет Рюзен, «исторические нарративы формирования идентичности обеспечивают темпоральное расширение горизонта нашего человеческого Я» [Ibid.] за счет тех или иных форм связи с теми или иными историческими событиями, в которых сам индивид мог и не принимать участие в силу временной удаленности от них.

Люббе подчеркивает несколько иной аспект в трактовке роли идентичности. Если для Рюзена она связывается с самопониманием, то для Люббе — более с пониманием других. Он справедливо подчеркивает: «то, что хотят и делают другие, лишь частично опирается на тот опыт, те представления о действительности и оценки ситуаций, которые мы с ними разделяем, и только в этой части мы можем установить рациональность их желаний и поступков в горизонте настоящего времени. В другой своей части желания и действия других людей остаются непонятными для нашего синхронного рассмотрения — в той степени, в какой другие люди опираются на свой прежний опыт, унаследованные представления о действительности и однажды сформулированные оценки ситуаций, которые мы, вышедшие из другого прошлого, не разделяем или больше не разделяем» [Люббе, 112]. Можно было бы, конечно, истолковать мысль Люббе так, что подобная оценка истории в жизни индивида имеет ценность лишь для понимания людей из прошлых веков или предшествующих поколений, а для современников она не имеет значения, поскольку все они действуют в рамках единой, а потому понятной для всех современности. Но по этому поводу Люббе замечает, что «лишь неповторимость их единичных историй создает неповторимое сочетание характерных свойств, отличающее каждую из них от других систем с одинаковой структурой. Именно истории

объясняют нам историческую индивидуальность систем, позволяющую их идентифицировать» [Люббе, 108]. Мы могли бы утверждать, что этот разрыв между прошлым и настоящим, постулированный Люббе, связан лишь со степенью чуждости прошлого настоящему, но качественно ничем не отличается от разрывов в социально-культурных контекстах наших современников. Поэтому именно помещение их действий в нарративно-организованный исторический контекст остается предпочтительным, по Люббе, способом их понимания.

Трактовка Люббе и Рюзеном исторической идентичности оставляет в силе поставленный нами вопрос: стоит ли отдать предпочтение исторической идентичности как способу формирования идентичности в современной культуре? Если дать краткий ответ на оба вопроса (о семейной памяти и исторической идентичности), то он будет заключаться в утверждении: нет. Теперь комментарии. Начнем с выдвинутого выше тезиса: следует ли считать семейную память необходимым условием или необходимым элементом формирования идентичности? Бесспорно, что семейную память следует считать важным историческим источником, причем не столько по истории самой России, сколько по истории ментальности или истории памяти. Более того, можно согласиться с тезисом, что источники данного типа еще недостаточно введены в исследовательский оборот. Конечно, семейная память вполне может внести свой вклад в заполнение лакун в истории тех или иных значимых событий, но более вероятно, что она будет связана с изучением того, что люди помнили, а что постарались забыть, хотя все эти моменты также являются частью нашей истории. В частности, в этом плане анализ семейной памяти мог бы внести свой весомый вклад в создание истории забвения.

Конечно, можно было бы возразить по поводу некоторых положений, выдвинутых Андреем Алексеевым. Прежде всего это касается тезиса, что «из всех источников знания о прошлом решающим для большинства оказывается не жизненный опыт и не учебник истории, а массовая коммуникация» [Алексеев 2008, 49]. Возможно, для старших поколений, особенно в области недавней истории, он остается верным. Но резонно предположить, что именно вузовское, а более всего школьное

всеобщее образование будет прямо или косвенно определять, что и как помнит и будет помнить даже о недавнем прошлом рядовой современный горожанин. Отсюда вопрос о правомерности тезиса о большей непосредственности семейной памяти. Полагаем, что в свете утверждения самого автора о выхолащивании семейной памяти по степени опосредованности современная семейная и собственно историческая память вряд ли сильно отличаются друг от друга. Нет нужды оспаривать вывод автора о том, что «генеалогическая, историко-биографическая, семейно-хроникальная деятельность оказывается эффективным инструментом “само-просвещения” и “само-воспитания” народа» [Алексеев 2008, 50]. Но тем не менее рискнем выдвинуть тезис, что вряд ли семейная память может стать хорошим основанием идентичности.

Данное утверждение нуждается в прояснении. Речь идет о притязаниях такой идентичности на ту или иную степень общезначимости. Вполне можно ожидать, что семейная память может стать стержнем приватной идентичности. В атмосфере общего роста приватизации и индивидуализации жизни (не столь важно, по каким причинам; социологи давно отметили любопытный факт, что, упрощенно говоря, в богатых и бедных обществах разные причины могут приводить к одинаковым следствиям) возможно даже ее превращение в публичную идентичность. Но это положение дел требует наличия соответствующих условий. Так, мы могли бы предполагать, что в традиционных обществах знание собственного генеалогического древа имело сугубо практическое значение. Помнящий свое родство знал, к кому он может обратиться за помощью и поддержкой в критических ситуациях. Это условие определяло смысл и ценность как взаимных обязательств, так и значимость закрепления и трансляции взаимосвязей предшествующих и последующих поколений.

В современной культуре генеалогия утрачивает такой практический смысл (за исключением сообществ, где сохранились и так или иначе поддерживаются коллективистские формы жизни). Мы, конечно, можем представить, что связь с предшествующими поколениями может сохранять свою ценность и становиться стержнем нашей идентичности, если мы

остаемся приверженцами целей и ценностей своих отцов и дедов. Видимо, такое отношение будет иметь смысл и ценность в более-менее стабильной социальной системе (в данном случае не столь важно, с чем связана эта стабильность — со стабильностью жизни большинства или долговременностью борьбы меньшинств за свои права). Но резонно допустить, что чем более жизнь становится динамичной и разнообразной, чем чаще сопровождается серией межпоколенческих и даже внутривоколенческих разрывов, чем более эти разрывы приобретают положительную ценность в глазах общества, тем менее апелляция к предшественникам и поиск каузальных связей с ними могут что-то дать уму и сердцу современного человека. Хотя опять-таки в условиях роста динамичности жизни и связанной с ней мировоззренческой дезориентацией вполне можно предположить возрождение ностальгии и актуализацию интереса к связанным с ней генеалогиям.

Как кажется, последнее обстоятельство усиливает общую иррациональность смысла таких генеалогий и попыток найти его за пределами чисто субъективного любопытства. Встает резонный вопрос: что там хочет найти индивид? Здесь мы можем лишь повторить тезис, выдвинутый раньше. Требование сохранения памяти о своих предках приобретает статус исключительно морального (в смысле лишённого функциональности) императива. Мы можем, конечно, рассматривать предков как носителей моральных образцов и стремиться быть такими же в духе теории добродетели. Более того, наши личные воспоминания, свидетельства очевидцев и семейные архивы могут стать более-менее надежным подтверждением этого убеждения и дать нам основания считать, что поиск таких моральных образцов не является продуктом приватных мифологических иллюзий. Но вряд ли мы сможем это сделать по поводу любых предков, особенно если их образ жизни существенно отличается от наших моральных ожиданий.

Если теперь перейти к анализу идеи исторической идентичности, то начать можно с фиксации следующих положений. Вряд ли кто-то будет отрицать место, роль и ценность истории в миропонимании современного человека. Столь же резонно предположить, что большинство индивидов будут определять

свою идентичность в контексте тех или иных исторических событий или их нарративно-исторической организации. Можно представить, что некто в ответ на вопрос «Кто Ты/Вы?» ответит: «Мы дети революции и строим светлое будущее» или «Мы наследники славных побед и призваны сохранять и развивать их наследие». Возможно даже, что такой формат идентичности будет являться типичным для современного индивида, хотя в свете распространенной политики сожаления он может приобрести несколько иные очертания. Но стоит отметить, что даже простое, лишённое нарративности и историчности отождествление себя с профессией (Я рабочий) может многое сказать об индивиде в контексте игнорирования имевших место бурных событий, на фоне которых данный индивид себя так позиционирует.

Но опять-таки отметим, что вряд ли историческая идентичность как таковая может претендовать на рекомендуемый универсальный нормативный статус. Вряд ли мы могли бы утверждать, что нам надлежит быть историчными без сопровождения соответствующими комментариями данного тезиса. Во-первых, потому, что некоторые формы исторической идентичности могли быть связаны с локальными историческими событиями и потому по природе своей не смогли бы претендовать на универсальность. Хотя, как справедливо отмечал Рюзен, ужас Холокоста является не просто проблемой поколений тех, кто им был непосредственно затронут. «Он затрагивает всех исторически мыслящих людей, потому что касается преступления против человечности» [Rüsen 2017, 223], имея в виду, что солидарность с жертвами преступлений является необходимой частью формирования идентичности. Но тот же Рюзен, особенно на ранних этапах своего творчества, неоднократно писал об опасности этноцентризма как вполне типичной, весьма популярной и не преодоленной по сей день форме идентичности [Rüsen 2004, 118–129],

При этом стоит иметь в виду, что сохранение линейной картины собственной идентичности с механическим включением в нее постыдных страниц своей истории может быть сведено к очередной версии простого переориентирования оппозиции, а именно превращения

истории побед в историю покаяния. Рюзен недаром указывал на новый тип этноцентристской аргументации, когда описывал широко распространенную стратегию самовиктимизации, в рамках которой вина и ответственность за страдание возлагается на других [Rüsen 2007, 183–184]. Как справедливо отмечала Алейда Ассман, «жертвенные нарративы строятся таким образом, что история страдания становится ядром идентичности и единственным содержанием коллективной памяти. Все, что не находит себе места в рамках такой памяти, исключается из публичной коммуникации. Упрочение национальной жертвенной идентичности затрудняет сближение» [Ассман, 159]. Хотя Лоренц по поводу перспектив отношения к формату национальных историй заметил: «Я ожидаю, что национальные истории будут процветать как жанр» [Lorenz, Tamm, 514]. С утверждением Лоренца можно согласиться, но оно не отменяет нашего тезиса о ценности идеи исторической идентичности.

Поэтому позволим утверждать, что наиболее подходящим кандидатом на роль идентичности, которая воплощает те требования (или содержит востребуемый потенциал), которые к ней предъявляются, следует считать так называемую моральную идентичность. Насколько можно судить, этот термин употребляется в англоязычной литературе. Мы можем обнаружить его использование в знаменитой работе Аласдера Макинтайра «После добродетели» [Макинтайр, 298]. Как отмечают исследователи, «моральная идентичность — центральная в идентичности личности» [Lapsley, 42–43]. Надо сказать, что процитированный автор, Даниэл Лапсли, является одним из тех исследователей, кто активно использует понятие «моральная идентичность» в своих работах. В своих размышлениях по этому поводу он отталкивается от тезиса Чарльза Тейлора, что «быть собой неотделимо от существования и от пребывания в моральном пространстве», и подчеркивает, что «связь моральной целостности с нашим чувством самоидентичности является, может быть, одним из тех фактов о нас самих, который настолько очевиден, что вряд ли требует проверки» [Narvaez, Lapsley, 240].

Вслед за Лапсли мы можем утверждать, что вряд ли кто будет сомневаться в значимости

и даже приоритетности моральной идентичности для человеческого бытия, хотя сама по себе данная идея требует некоторого прояснения. Ким Аткинс, предполагая возможные вопросы по этому поводу, отмечает, что «современное общество характеризуется множеством нравственных сфер, каждая из которых обладает своей собственной исторической культурой и траекторией: отношения семьи, национальности, религии и т. д. Эти столь разные моральные сообщества обеспечивают различные и иногда конкурирующие моральные рамки и конвенции, касающиеся значения и ценности тех или иных действий. Как же тогда нам понимать моральную идентичность, учитывая такую множественность сфер интерпретации действия и характера?» [Atkins, 85]. Рассуждения Аткинса о проблематичности моральной идентичности в современном обществе, распавшемся на множество специализированных сфер и соответствующих им социальных ролей, не случайны и фактически содержат ответ на сомнения Макинтайра о возможности добродетельной жизни в такого рода обществах. Аткинс полагает, что ответ содержится в нарративном единстве и целостности такой идентичности. «Множественность представлений о хорошей жизни совместима с всеобъемлющей идеей о том, что хорошая жизнь — это целостная жизнь и, более того, со способностью нарративных стратегий реализовывать благо в многообразии множеств культурных контекстов» [Ibid., 85].

Понятно, что теорию добродетели можно считать наиболее достойным кандидатом на роль определяющего условия для формирования такой идентичности, поскольку добродетели связываются с выработкой черт характера, а не просто со способностью разума принуждать себя к выполнению моральных требований (в духе Канта). Хотя, судя по всему, наличия аспекта нормативности в формировании и реализации моральной идентичности не отрицает никто из авторов, пишущих на эту тему. У Аткинса мы можем найти достаточно редкое для исследователей и сторонников моральной идентичности характеристику ее содержательной стороны. По Аткинсу, моральная идентичность реализуется «в личностной сфере как желание и потребность в самореализации в форме самооценки и самоуважения;

в межличностной сфере — как стремление и потребность в дружбе и уважении, а в надличностной сфере или, в позиции от третьего лица (можно было бы назвать ее публичной сферой. — В. С.), как желание или потребность в справедливости [Atkins, 85]. Можно было бы охарактеризовать это нарративное единство и целостность формулой «Я тот, чья жизнь обусловлена моральными ценностями (идеей достоинства и уважения) (прошлое), кто живет (настоящее) и будет проживать ее с целью их дальнейшей реализации (будущее)».

Тому, кто упрекнул бы Аткинса в абстрактности и внеисторичности такой идентичности, мы могли бы напомнить, что ценность личности, достоинство, уважение, справедливость являются базисными ценностями именно индустриальной цивилизации, а для содержательной конкретизации их — отослать к работам Юма, Канта, Ролза и связанной с этими именами богатой исследовательской традиции. Иначе говоря, если бы мы спросили индивида, какой смысл он вкладывает в эти вещи, то скорее всего он в той или иной вольной форме изложил бы их идеи. Нами не случайно было выбрано такое направление мысли, поскольку реализация ключевых идей данной статьи предполагает явное или неявное сравнение идеи моральной идентичности с идеей исторической идентичности.

Можно предположить, что фактически Люббе и Рюзен рассматривают историческую идентичность в своей трактовке как синоним моральной идентичности, поскольку трактовка Рюзеном исторических событий, конституирующих идентичность, носит весьма определенный моральный характер, как и его общий тезис о гуманности как принципе организации исторической идентичности. Однако мы считаем, что у идеи моральной идентичности больше эвристических перспектив.

Идея исторической идентичности работала бы, если бы имел место консенсус по поводу тех или иных исторических событий хотя бы в рамках одной национальной истории. Но основание для такого консенсуса пришлось бы искать как раз в пространстве моральных ценностей, что свидетельствовало бы об их первичности в формировании идентичности. Можно было бы возразить, что такой консенсус отсутствует и по поводу моральных ценностей.

Но, во-первых, в логике установления такого консенсуса резонно предположить, что первичным было бы согласие по поводу содержания и статуса морали. Во-вторых, столь же резонно предположить, что насколько индивиды пребывают в пространстве индустриальной цивилизации и воспринимают формы ее жизни как естественные и легитимные, настолько сами их жизненные практики являются способом согласия с ее базисными моральными ценностями. С этой точки зрения разрыв дискурсов и практик можно трактовать как форму перформативного противоречия. Хотя иррациональности, особенно в обывательской среде, да и наличия альтернативных моральных ценностей никто не отрицает. Понятно, что также никто не отрицает и наличия цивилизационных конфликтов в этой сфере, но столь же резонно предположить, что и тут основанием для возможного диалога и компромисса могут выступить лишь такие вышеупомянутые ценности, как ценность личности, достоинство, уважение, справедливость, поскольку отказ от них будет связан как раз с той самой потерей идентичности.

В пользу идеи моральной идентичности стоит отметить, что ее сущностные черты содержат необходимую меру абстрактности или всеобщности и исторической конкретности. У авторов, пишущих о моральной идентичности, не всегда можно обнаружить характеристику ее конкретного содержания. Представляется, что общая причина заключается не столько в абстрактности моральных убеждений, сколько в некоторой самоочевидности их содержания для пишущих. Нам также могут показаться банальными суждения, что надлежит сохранять достоинство, стремиться к справедливости и т. д. Но стоит помнить, что они самоочевидны лишь для современного человека, который сформирован в этих контекстах и самими этими контекстами. Но эта известная степень антиисторичности имеет и свою позитивную сторону, обеспечивающую преемственность моральных ценностей и их конкретность. Насколько мы говорим о моральном дискурсе,

настолько мы обеспечиваем мосты для налаживания диалога с теми, кто настаивает на других моральных ценностях, но сохраняет понимание и ценность морального дискурса как такового; насколько мы говорим о ценности личности, достоинстве и справедливости, настолько мы фактически наполняем их весьма конкретным содержанием, значимым именно здесь и теперь. Видимо, это обстоятельство и имел в виду Макинтайр, когда говорил о «живой» традиции [Макинтайр, 300].

В этом отношении можно заметить, что переход от исторической к моральной идентичности возможен, но предполагает наличие опосредующих звеньев, связь между которыми кажется более проблематичной. Ведь насколько кто-то связывает себя с конкретными историческими событиями, настолько он ставит под вопрос гарантию преемственности и общезначимости. Никто не сомневается в значении исторического прошлого для идентичности современного человека, но в случае моральной идентичности она играет скорее роль средства или материала, на котором испытывается прочность моральных принципов; в случае исторической идентичности мы будем иметь дело с иным положением дел, когда исторические ситуации будут требовать их необходимой моральной интерпретации. Поэтому резонно утверждать, что историческая идентичность, особенно в ее этноцентристских форматах (неважно, осознаются ли они ее носителями или нет), актуально или потенциально будет попадать под огонь интенсивно распространяющихся практик «культуры отмены», пока они направлены более на высказывания и поведение публичных персон и еще не получили универсального распространения. Но рост значения цифровой культуры и социальных сетей, распространенная ассоциация истории с персонами и событиями обеспечивают перспективу расширения области применения самой идеи «культуры отмены», что делает вышеописанные форматы исторической идентичности потенциально весьма уязвимыми.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алексеев А. Н. Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники // Семь искусств. 2013. № 6. URL <https://litbook.ru/article/4231/> (дата обращения: 05.06.2023).
- Алексеев А. Н. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 5. С. 49–50.
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. DIY-технологии в конструировании исторической памяти // Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего : сб. ст. по итогам всерос. науч. конф. / под ред. В. Н. Сырова. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. С. 16–20.
- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2016.
- Люббе Г. Историческая идентичность // Вопр. философии. 1994. № 4. С. 108–113.
- Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000.
- Atkins K. Narrative identity and moral identity: a practical perspective. Routledge, 2008.
- Lapsley D. Chapter 2. Moral Self-Identity and the Social-Cognitive Theory of Virtue: Integrating Perspectives // Developing the Virtues: Integrating Perspectives / ed. by J. Annas, D. Narvaez, N. E. Snow. Oxford univ. press, 2016. P. 34–68.
- Lorenz Ch., Tamm M. Who knows where the time goes? // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2014. № 18(4). P. 499–521.
- Narvaez D., Lapsley D. K. Moral Identity, Moral Functioning, and the Development of Moral Character // Psychology of Learning and Motivation / ed. by B. H. Ross. Elsevier, 2009. Vol. 50. P. 237–274.
- Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. № 43(4). P. 118–129.
- Rüsen J. How to make sense of the past — salient issues of Metahistory // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2007. № 3 (1). P. 169–221.
- Rüsen J. Evidence and Meaning. A Theory of Historical Studies. Berghahn Books, 2017.

References

- Alekseev, A. N. (2013). Korn i vetvi. V pomoshch' pishushchim o predkakh i o sebe samom/samoi: "estafeta pamyati" i dva primera semeinoy khroniki [To help those who write about their ancestors and about themselves / themselves: a "relay race of memory" and two examples of family chronicles]. *Sem' iskusstv*, 6. URL: <https://litbook.ru/article/4231/> (accessed: 05.06.2023).
- Alekseev, A. N. (2008). Pamyat' semeinaya i istoricheskaya: tochki peresecheniya i razryvy (gipoteza o vliyaniy semeinoy pamyati na mirovospriyatie) [Khroniki Family and historical memory: points of intersection and breaks (hypothesis about the influence of family memory on worldview)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 5, 49–50.
- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2018). DIY-tekhnologii v konstruirovaniy istoricheskoy pamyati khroniki [DIY technologies in the construction of historical memory]. *Istoricheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego: Sbornik statei po itogam vsrossiyskoy nauchnoy konferentsii / pod red. V. N. Syrova. Saratov : ITS "Nauka"*, 16–20.
- Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi khroniki* [New dissatisfaction with memorial culture] / per. s nem. B. Khlebnikova. M. : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Atkins, K. (2008). *Narrative identity and moral identity: a practical perspective*. Routledge.
- Lapsley, D. (2016). Chapter 2. Moral Self-Identity and the Social-Cognitive Theory of Virtue: Integrating Perspectives. *Developing the Virtues: Integrating Perspectives* / ed. by J. Annas, D. Narvaez, N. E. Snow. Oxford univ. press, 34–68.
- Lorenz, Ch., Tamm, M. (2014). Who knows where the time goes? *Rethinking History: The Journal of Theory and Practice*, 18 (4), 499–521.
- Lyubbe, G. (1994). *Istoricheskaya identichnost'* [khroniki Historical identity]. *Voprosy filosofii*, 4, 108–113.
- MacIntyre, A. (2000). *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [khroniki After Virtue: A Study in Moral Theory] / per. s angl. V. V. Tselishcheva. M. : Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg : Delovaya kniga.
- Narvaez, D., Lapsley, D. K. (2009). Moral Identity, Moral Functioning, and the Development of Moral Character. *Psychology of Learning and Motivation* / ed. by B. H. Ross. Elsevier, 50, 237–274.
- Rüsen, J. (2004). How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century. *History and Theory*, 43 (4), 118–129.
- Rüsen, J. (2007). How to make sense of the past — salient issues of Metahistory. *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*, 3 (1), 169–221.
- Rüsen, J. (2017). *Evidence and Meaning. A Theory of Historical Studies*. Berghahn Books.

Сведения об авторе

Сыров Василий Николаевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Томского государственного университета, Томск, Россия

*Статья поступила в редакцию 16.05.2023;
одобрена после рецензирования 30.05.2023;
принята к публикации 07.06.2023*

Information about the author

Vasilij N. Syrov — Doct. Sci. (Philosophy), Head of the Chair of ontology, Epistemology and Social Philosophy, Philosophical Faculty, Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

*The article was submitted 16.05.2023;
approved after reviewing 30.05.2023;
accepted for publication 07.06.2023*

Научная статья
УДК 159.923.2:1(091)
doi 10.15826/tetm.2023.1.041

Память и формирование личностной идентичности в экзистенциальной философии Карла Ясперса

Екатерина Сергеевна Лебедь^{1,2}

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия,

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

kkovaleva2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4241-8395>

Аннотация. В статье рассматривается влияние памяти на формирование личностной идентичности в концепции Карла Ясперса. Исследуется, как Ясперс анализирует категории времени, прошлого, настоящего и будущего, а также опыта и свободы выбора в контексте формирования личностной идентичности. Также осмысляются экзистенциальные аспекты памяти, такие как внутренний опыт и непрерывность времени, и то, как они влияют на процесс формирования личностной идентичности. Статья представляет интерес для философов, психологов и всех, кто интересуется пониманием роли памяти в формировании личностной идентичности.

Ключевые слова: Карл Ясперс, экзистенциальная философия, память, личностная идентичность, воспоминания, время, прошлое, настоящее, будущее, непрерывность времени, внутренний опыт, свобода выбора

Для цитирования: Лебедь Е. С. Память и формирование личностной идентичности в экзистенциальной философии Карла Ясперса // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 15–20. doi 10.15826/tetm.2023.1.041

Original article

Memory and the Formation of Personal Identity in the Existential Philosophy of Karl Jaspers

Ekaterina S. Lebed

Surgut State University, Surgut, Russia

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

kkovaleva2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4241-8395>

Abstract. The article examines the influence of memory on the formation of personal identity in the concept of Karl Jaspers. It explores how Jaspers considers the concepts of time, past, present, and future, as well as experience and freedom of choice in the context of forming personal identity. The article also considers existential aspects of memory, such as inner experience and continuity of time, and how they affect the process of forming personal identity. The goal of the article is to discuss how memory can influence the formation of personal identity

© Лебедь Е. С., 2022

and how understanding Karl Jaspers' concept. The article is of interest to philosophers, psychologists, and anyone interested in understanding the role of memory in the formation of personal identity.

Keywords: Karl Jaspers, existential philosophy, memory, personal identity, memories, time, past, present, future, continuity of time, inner experience, freedom of choice

For citation: Lebed, E. S. (2023). Pamyat' i formirovanie lichnostnoi identichnosti v ekzistentsial'noi filosofii Karla Jaspersa [Memory and the Formation of Personal Identity in the Existential Philosophy of Karl Jaspers]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 15–20. doi 10.15826/tetm.2023.1.041

Введение

Память остается одним из ключевых аспектов, определяющих личностную идентичность. В данной статье мы рассмотрим концепцию Карла Ясперса относительно памяти и ее влияния на формирование личностной идентичности, а также обратим внимание на экзистенциальные аспекты памяти, такие как внутренний опыт и непрерывность времени, проанализировав, как они связаны с процессом формирования идентичности и экзистенции человека. Цель статьи — продемонстрировать, что экзистенциальная философия Карла Ясперса может стать ресурсом для исследования роли памяти в формировании личностной идентичности. Это позволит увидеть, что человеческий опыт является целостным и связанным, а наше существование во времени зависит от пережитого прошлого и настоящего. Обращение к философии Ясперса необходимо, чтобы понять, как мы можем использовать нашу память и опыт для принятия более осознанных и свободных решений в настоящем, основанных на нашем понимании прошлого. Все это имеет важное значение для понимания нашей личности, идентичности и ценностей.

В социальной философии тема памяти и личностной идентичности давно привлекает внимание философов, поскольку позволяет увидеть уникальность каждого индивида и важность его субъективного опыта. Так, существует теория «социальной идентичности» Г. Тэджфела [Tajfel] и Дж. Тернера [Turner], в соответствии с которой личностная идентичность формируется через идентичность социальную, а та, в свою очередь, базируется на принадлежности к определенной социальной группе. Х.-Г. Гадамер вводит понятие «исторической идентичности» [Гадамер], утверждая, что идентичность формируется через понимание истории и нашей роли в ней. В некоторых

из современных концепций, связанных с памятью и формированием личностной идентичности, используются идеи Карла Ясперса [см., например: Губин; Демин; Губман; Перцев; Стрекаловская; Andersen; Kragh; Roth].

Достижение поставленной цели предполагает реализацию ряда шагов. Вначале мы обоснуем, что время в философии Ясперса представляет собой непрерывное движение, объединяющее прошлое, настоящее и будущее. Затем рассмотрим, как память связана с нашим существованием во времени и как она помогает нам сохранять наш опыт и идентичность. Далее покажем важный аспект концепции Ясперса — свободу выбора, которая позволяет влиять на будущее и определять направление жизни. Наконец, обратимся к концепции «внутреннего опыта» Ясперса, в которой он связывает память, время и наше существование, и обсудим, как эта концепция может быть применена для понимания человеческого опыта в контексте времени. В целом данная статья представляет собой обзор концепции времени и памяти в философии Ясперса и показывает, как эти категории связаны с нашим существованием во времени. «Психическая жизнь всякого человека — это целостность, пребывающая во времени. Чтобы постичь человека, необходимо обозреть всю его жизнь от рождения до смерти» [Ясперс 1994, 606].

Прошлое, настоящее и будущее в философии Ясперса

Философия Карла Ясперса представляет собой одно из самых влиятельных течений в философии XX в. В своих работах он затрагивал множество важных философских тем, в том числе и интересующий нас вопрос времени и памяти. Он также обращался к проблемам осознания смерти, свободы, существования и трансцендентального, занимался

исследованием истории философии и изучал философские системы различных культур и эпох. Его наиболее известные работы: «Истоки истории и ее цель», «Духовная ситуация эпохи» (1931), «Философская вера» (1948) [Ясперс 1991], «Введение в философию» [Ясперс 2000], «Философия» («Философская ориентация в мире» «Прояснение экзистенции», «Метафизика») (1932) [Ясперс 2012], «Разум и экзистенция» (1935) [Ясперс 2013] и др.

Ясперс понимал время как циклическое движение прошлого, настоящего и будущего, которые объединены в непрерывную последовательность событий, то есть время, с его точки зрения, это средство для определения событий, которые входят в наш опыт и существование. «Бытие открывается нам только во времени, истинное — во временном явлении» [Ясперс 1991, 495]. Однако для Ясперса понимание времени не ограничивается только его физическими аспектами. «Человек не может быть завершенным; для того, чтобы быть, он должен меняться во времени, подчиняясь все новой судьбе» [Там же, 411]. Таким образом, время в работах Ясперса оказывается способом понимания личности и существования в мире. Наше существование во времени означает, что мы всегда находимся между прошлым и будущим, и это влияет на наши решения и действия в настоящем. «У человека массы мало времени, он не живет жизнью целого, избегает подготовки и напряжения без конкретной цели, преобразующей их в пользу; он не хочет ждать и допускать созерцание; все должно сразу же дать удовлетворение в настоящем; духовное стало сиюминутным удовольствием» [Там же, 65].

Связь между временем и памятью — еще один важный аспект в философии Ясперса. Он рассматривает память как способ сохранения нашего опыта и идентичности, то есть память о прошлых событиях определяет нашу личность и наше существование в мире. Однако для Ясперса память не ограничивается только воспоминаниями, а представляет собой ключевой аспект нашего существования во времени, позволяет сохранять свою идентичность и продолжать существовать во времени. «Прошлое содержится в нашей памяти лишь отрывками, будущее темно. Лишь настоящее могло бы быть

озарено светом. Ведь мы полностью в нем. Однако именно оно оказывается непроницаемым, ибо ясным оно было бы лишь при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе» [Ясперс 1991, 141].

Ясперс различает несколько аспектов времени: «бытие в прошлом», «бытие в настоящем» и «бытие в будущем». Он полагает, что прошлое не просто исчезает, но остается в нашей памяти, которая является ключевой составляющей нашего опыта времени. Память помогает нам сохранять прошлые события, которые определяют нашу личность и наше существование в мире: «Только настоящее действительно; все прошлое и будущее действительно лишь в качестве настоящего, как то, в качестве чего оно присутствует в настоящем. Настоящее всегда представляет собой ось, вокруг которой вращается вся история» [Ясперс 2000, 78].

Однако, как доказывает Ясперс, наша идентичность не ограничивается только прошлым, но также связана с нашим существованием в настоящем и будущем. Будущее не определено заранее, но зависит от наших свободных выборов и действий, что делает его неизвестным и неопределенным. Он пишет: «Смысл всегда таков: то временно, что вечно; истина открывается через фактическое деяние и в бытии человека. Это происходит как развертывание возможностей человеческого бытия, в переходе его временного существования, от неизвестного истока до неведомого ухода» [Там же, 62].

Одним из ключевых понятий в концепции памяти Ясперса является понятие осевого времени, — это то, что было на самом деле, что произошло в прошлом, это основание всей мировой истории. «Постижение осевого времени определяет наше осознание современной ситуации и исторического развития, доводя его — независимо от того, принимаем ли мы эту идею или отвергаем ее, — до таких выводов, которые я мог здесь лишь наметить» [Ясперс 1991, 50]. Ясперс считает, что осевое время не может быть полностью охвачено нашими знаниями и представлениями, но мы можем понимать его через нашу память и воспоминания. «Бывают эпохи покоя, которые как будто создают то, что будет существовать

вечно, эпохи, которые сами ощущают себя как некое завершение. Но бывают и эпохи больших перемен, переворотов... Осевое время связано с представлением о скрытом, трансцендентном смысле истории...» [Ясперс 1991, 28].

Кроме того, Ясперс говорит о понятии горизонта, который также играет важную роль в понимании времени и нашей памяти. Горизонт — это наша способность видеть личную историю в контексте истории человечества и всего мира. Этот горизонт помогает понять, как действия и решения влияют на нас и на окружающих в прошлом, настоящем и будущем. «Экзистенция прежде всего есть как бы новое сужение горизонта: ибо она существует всякий раз как одна экзистенция с другой экзистенцией. Может показаться, будто широта объемлющего вбирается здесь в единственность того или этого самобытия, которое в сравнении с действительностью всеобъемлющего духа выглядит как простая ничтожная точка. Но эта теснота, словно бы заключенная во плоти эмпирического существования этого определенного сознания и этого духа, есть на самом деле единственно возможное откровение глубины бытия как историчности» [Ясперс 2013, 53].

Непрерывность времени, связь между прошлым, настоящим и будущим, наличие свободы выбора

Одной из центральных идей философии Ясперса является представление о непрерывности времени. Он считает, что временные периоды, такие как прошлое, настоящее и будущее, не могут быть рассмотрены в отрыве друг от друга и что они образуют непрерывный поток времени, то есть мы не можем полностью охватить этот поток времени, наш опыт времени всегда ограничен нашими знаниями и представлениями. Жизнь субъекта имеет исторический характер (мы всегда находимся в определенной точке временной линии), имеет определенную направленность, и мы должны учитывать как прошлое, так и будущее в решениях и действиях в настоящем. «Историчное припоминание, будучи само живым бытием, схватывает прошедшее как еще живо присутствующую действительность не вполне

определившихся возможностей» [Ясперс 2012, 258].

Также память играет важную роль в формировании нашей свободы выбора. Ясперс подчеркивает, что наша свобода выбора ограничивается не только прошлыми событиями, но и настоящими и будущими возможностями, которые мы можем предвидеть и использовать для принятия своих решений. Память позволяет сохранять и анализировать информацию о прошлых событиях и использовать эту информацию для принятия более осознанных решений в настоящем и будущем.

Для Ясперса память является ключевым механизмом, который связывает прошлое, настоящее и будущее в нашем существовании во времени. По его мнению, память не просто воспроизводит прошлое, но и связывает его с настоящим и будущим, что позволяет лучше понимать проблемы экзистенции человека.

Ясперс говорит о процессе воспоминания как о своеобразном «перемещении» во времени, которое позволяет нам пережить прошлые события в настоящем и переосмыслить опыт. Память помогает не только запоминать прошлое, но и формировать наше существование в настоящем и будущем. В философии Ясперса можно отметить три типа воспоминания: «память о пережитых событиях, и ситуациях, о вещах и людях» [Там же, 257]; усвоение традиции [Там же]; единство прошлого с экзистенцией припоминающего: «В свободном избрании некоторой данности я принимаю на себя в припоминаемом то, что я есмь. Я есмь то, чем я был и чем я хочу быть» [Там же, 258]. При этом Ясперс подчеркивает, что процесс воспоминания не является простым отражением прошлого, а скорее активным процессом, в котором мы переживаем прошлое в контексте настоящего. Этот процесс позволяет нам лучше понимать наше место в мире и определять наши цели и планы на будущее.

Заключение

В своей экзистенциальной философии Карл Ясперс подчеркивал важность понимания памяти и внутреннего опыта в формировании личностной идентичности и утверждал, что воспоминания являются не просто отражением прошлого, а скорее интегральной частью

нашей жизни, которая формирует нашу индивидуальность и связывает нас со временем. Он считал, что человек не может быть рассмотрен только как нечто, существующее во времени и пространстве, а должен исследоваться как субъект, живущий внутри своего собственного опыта, который является ключом к его индивидуальности и пониманию жизни.

В заключение хотелось бы наметить дальнейшие горизонты развития темы, которые могут включать следующие аспекты: рассмотрение влияния памяти на формирование личности в других философских концепциях (в частности, концепция памяти у Сартра и его взгляд на формирование свободной воли личности); анализ применения концепции памяти в психологии и нейронауках (вопросы, связанные с механизмами обработки информации в мозге и взаимодействием между психологическими процессами и мозговой деятельностью); исследование взаимосвязи памяти и культуры (влияние культурных факторов на формирование и сохранение памяти, а также изучение влияния наследственности и среды на развитие памяти); изучение влияния цифровых технологий на память и личностную идентичность (влияние современных технологий, таких как социальные сети и мобильные устройства, на формирование памяти и личностной

идентичности); рассмотрение этических вопросов, связанных с памятью и личностной идентичностью (вопросы, связанные с сохранением и использованием личных данных и информации, а также этические аспекты вопросов, связанных с изменением или стиранием памяти).

Кроме того, концепция Ясперса имеет практическое применение в различных областях, таких как психология, социология и бизнес. Например, понимание того, как память влияет на наш опыт, может помочь психологам и психотерапевтам лучше понять причины поведенческих и эмоциональных проблем у своих пациентов. В социологии обращение к теме памяти необходимо для изучения формирования представлений о прошлом и настоящем. Это особенно полезно при изучении коллективной памяти, когда группы людей делят общие исторические события и опыт. В бизнесе понимание связи между прошлым, настоящим и будущим может помочь компаниям ориентироваться на потребности своих клиентов и разрабатывать продукты и услуги, которые будут соответствовать их ожиданиям. Кроме того, изучение памяти необходимо для того, чтобы разобраться, как люди запоминают информацию и как это можно использовать для эффективной рекламы и маркетинга.

Список источников

- Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988.
- Губин В. Д. Многолинейные концепции истории К. Ясперса // Губин В. Д., Стрелков В. И. Власть истории. Очерки по истории философии истории : курс лекций. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 294–302.
- Губман Б. Л. К. Ясперс: трансцендентный источник и открытость исторического опыта // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия : Философия. 2021. № 3 (57). С. 186–202.
- Демин И. В. Трактатка всемирной истории в философской концепции Карла Ясперса // Система ценностей современного общества. 2016. № 48. С. 7–11.
- Перцев А. В. Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2012.
- Стрекаловская Е. В. Понятие экзистенции у К. Ясперса // Молодой ученый. 2019. № 32 (270). С. 169–172.
- Ясперс К. Всемирная история философии. СПб. : Наука, 2000.
- Ясперс К. Общая психопатология. М., 1994. URL: http://www.webbl.ru/zip/psychiatry/common_psychopathology.rar (дата обращения: 01.05.2023).
- Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон+, 2013.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Политиздат, 1991.
- Ясперс К. Философия : в 3 кн. Кн. 1 : Философское ориентирование в мире; Кн. 2 : Просветление экзистенции; Кн. 3 : Метафизика / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2012.
- Ясперс К. Введение в философию / пер. и ред. А. А. Михайлова. Минск : Пропилеи, 2000.
- Andersen P. E. The Challenge of Memory: Jaspers on the Problem of History // European Journal of Philosophy. 2019. Vol. 27, Iss. 2. P. 315–330.
- Kragh T. Existential Reflections on History and Memory: A Reading of Karl Jaspers and Hannah Arendt // Existential Analysis. 2020. Vol. 31, Iss. 1. P. 108–122.

Roth M. The Significance of History and Memory in the Philosophy of Karl Jaspers // *The Journal of Speculative Philosophy*. 2017. Vol. 31, Iss. 2. P. 168–179.

Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, England : Cambridge University Press, 1981.

Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior // *Advances in group processes: Theory and research* / ed. E. J. Lawler. Greenwich, 1985. № 2. P. 77–122.

References

Andersen, P. E. (2019). The Challenge of Memory: Jaspers on the Problem of History. *European Journal of Philosophy*, 27, 2, 315–330.

Demin, I. V. (2012). Traktovka vseмирnoi istorii v filosofskoi kontseptsii Karla Jaspersa [Interpretation of world history in the philosophical concept of Karl Jaspers]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 48, 7–11.

Gadamer, X. G. (1988). *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenевtiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. M.: Progress.

Gubin, V. D. (2007). Mnogolineinye kontseptsii istorii K. Jaspersa [Multilinear concepts of K. Jaspers' history]. *Gubin V. D., Strelkov V. I. Ocherki po istorii filosofii istorii: kurs leksii*. M.: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 294–302.

Gubman, B. L. (2021). K. Jaspers: transtsendentnyi istochnik i otkrytost' istoricheskogo opyta [K. Jaspers: the transcendent source and openness of historical experience]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, 3(57), 186–202.

Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and goal of history]. M.: Politizdat.

Jaspers, K. (1994). *Obshchaya psikhopatologiya* [General psychopathology]. URL: http://www.webbl.ru/zip/psychiatry/common_psychopathology.rar (accessed: 01.05.2023).

Jaspers, K. (2000). *Vsemirnaya istoriya filosofii* [World History of Philosophy]. SPb.: Nauka.

Jaspers, K. (2000). *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction into philosophy] / per. i red. A. A. Mikhailova. Minsk: Propilei.

Jaspers, K. (2012). *Filosofiya: v 3 kn.* [Philosophy]. Kn. 1. Filosofskoe orientirovanie v mire; Kn. 2. Prosvetlenie ekzistentsii; Kn. 3. Metafizika / per. s nem. A. K. Sudakova. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya».

Jaspers, K. (2013). *Razum i ekzistentsiya* [Reason and existence]. M.: Kanon+.

Kragh, T. (2020). Existential Reflections on History and Memory: A Reading of Karl Jaspers and Hannah Arendt. *Existential Analysis*, 31, 1, 108–122.

Pertsev, A. V. (2012). *Molodoi Jaspers: rozhdenie ekzistentsializma iz peny psikhiiatrii* [Young Jaspers: the birth of existentialism from the foam of psychiatry]. SPb.: Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii.

Roth, M. (2017). The Significance of History and Memory in the Philosophy of Karl Jaspers. *The Journal of Speculative Philosophy*, 31, 2, 168–179.

Strekalovskaya, E. V. (2019). Ponyatie ekzistentsii u K. Jaspersa [The concept of existence in K. Jaspers]. *Molodoi uchenyi*, 32(270), 169–172.

Tajfel, H. (1981). *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

Turner, J. C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research* / ed. E. J. Lawler. Greenwich, 2, 77–122.

Сведения об авторе

Лебедь Екатерина Сергеевна, аспирант 2 года обучения кафедры философии и права Сургутского государственного университета, Сургут, Россия; заместитель директора по учебно-методической работе департамента философии Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия

Information about the author

Ekaterina S. Lebed, Post-graduate Student in Institute of State and Law, Surgut State University, Surgut, Russia; Deputy Director at the Department of Philosophy of the Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Статья поступила в редакцию 12.04.2023;
одобрена после рецензирования 01.05.2023;
принята к публикации 15.05.2023

The article was submitted 12.04.2023;
approved after reviewing 01.05.2023;
accepted for publication 15.05.2023

Научная статья
УДК 94:159.953 + 316.346.36 + 329.17(479.22)
doi 10.15826/tetm.2023.1.042

Политика коллективной исторической памяти в современной Грузии в начале 2020-х гг.

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Целью исследования является анализ современной политики памяти в Грузии в начале 2020-х гг. Автор анализирует роль и место либеральных трендов в современной грузинской общественной мысли как фактор развития и трансформации мемориальной культуры и коллективной исторической памяти. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики грузинского общества в контексте объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур постсоветского пространства, выполненных с привлечением оригинальных источников. В статье также показано, что 1) либеральный сегмент современного грузинского общества вносит значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры; 2) спектр мемориальных практик грузинских интеллектуалов варьируется от исторического ревизионизма до попыток формирования либерального мемориального канона; 3) участие интеллектуалов в мемориальной политике содействует параллельному соразвитию различных форм исторической памяти. Предполагается, что роль грузинского гражданского общества, включая его либеральный сегмент, в исторической политике современной Грузии будет возрастать, а интеллектуальное сообщество будет оставаться среди активных участников политики коллективной памяти.

Ключевые слова: Грузия, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Для цитирования: Кирчанов М. В. Политика коллективной исторической памяти в современной Грузии в начале 2020-х гг. // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 21–31. doi 10.15826/tetm.2023.2.042

The Policy of Collective Historical Memory in Modern Georgia in the Early 2020s

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Voronezh, Russia,

maksymkyrchanoff@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. The aim of the study is to analyze the modern politics of memory in Georgia in the early 2020s. The author analyzes the role and place of liberal trends in modern Georgian social thought as a factor in the development and transformation of memorial culture and collective historical memory. The novelty of the study lies in the study of the current (modern) stage in the development of the historical policy of Georgian society in the context of an objective lack of interdisciplinary research focused on the analysis of the memorial cultures of the post-Soviet space, based on the original sources use. The article also shows that 1) the liberal segment of modern Georgian society makes a significant contribution to the developments and transformations of memorial culture; 2) the spectrum of memorial practices of Georgian intellectuals varies from historical revisionism to attempts to form a liberal memorial canon; 3) the participation of intellectuals in memorial policy contributes to a parallel co-development of various forms of historical memories. It is assumed that the role of Georgian civil society, including its liberal segment, in the historical politics of modern Georgia will increase, and the intellectual community will remain among the active participants in collective memorial politics.

Keywords: Georgia, collective memory, intellectuals, historical politics, wars of memory, culture of memory

For citation: Kyrchanoff, M. W. (2023). Politika kolektivnoi istoricheskoi pamyati v sovremennoi Gruzii v nachale 2020-kh gg. [The Policy of Collective Historical Memory in Modern Georgia in the Early 2020s]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 21–31. doi 10.15826/tetm.2023.2.042

Введение

В современном мире мемориальная политика или историческая политика памяти стала одной из универсальных политических стратегий правящих элит. Доминирующие политические группы не могут успешно и эффективно функционировать без применения исторического прошлого, которое ими воспринимается почти исключительно утилитарно. Правящими элитами национальная история рассматривается как мобилизационный ресурс, который может использоваться и для собственной легитимации, и для воспроизводства санкционированных элитами версий национальной идентичности. В такой ситуации превращение исторической политики в универсальную манипулятивную практику элит фактически стало неизбежным.

Вместе с тем во внимание следует принимать и то, что, с одной стороны, структура и состав участников политики памяти в различных государствах неидентичны, с другой — содержание и конкретное наполнение

исторической политики отличается значительным разнообразием. Поэтому повестка мемориальной политики, в зависимости от государства, где она проводится, может в значительной степени варьироваться. Подобные вариации совершенно отчетливо проявляются в современной исторической политике постсоветских государств. Политика памяти Беларуси или Украины, например, в значительной степени будет отличаться от аналогичных практик и стратегий элит Азербайджана или Армении. Номинальный перечень тем, которые обсуждаются агентами исторической политики, на постсоветском пространстве также значительно варьируется. На структуру и конкретное наполнение политики памяти особое влияние оказывают особенности как сложившегося политического режима, так и связанной с ним политической культуры. Среди постсоветских стран, чья историческая политика обладает значительной спецификой и особенностями, особое место занимает Грузия.

Цель и задачи. В центре представленной статьи — основные проблемы исторической политики в современной Грузии в начале 2020-х гг. В качестве пространства применения и использования политики памяти, как практико-ориентированного видения истории, изучаемого в представленной статье, анализируется либеральный информационный сегмент современного грузинского общества. В число задач статьи входят: 1) изучение тематического развития и функционирования коллективной памяти либерального сегмента современного грузинского общества; 2) анализ восприятия исторического опыта Грузии через призму коллективной памяти общества, представленной как в публичных и общественных пространствах, так и в информационном дискурсе; 3) выявление перспектив развития исторической коллективной либеральной версии памяти в контекстах растущей идеологической и политической фрагментации современного грузинского общества.

Методология и историография. Изучение исторической политики и воспроизводимых в ее рамках мемориальных культур входит в число приоритетных задач современной историографии [Memory and History]. Поэтому с точки зрения методологии представленная статья опирается на принципы, которые сложились в современной междисциплинарной историографии памяти [Tamm]. Появление последней стало одним из последствий мемориального поворота [Souza Santos]. В целом в научной литературе, сфокусированной на изучении феномена коллективной исторической памяти и ее политически и идеологически мотивированного применения [The Politics of Memory], сложилось несколько подходов.

В рамках современных исследований спектр действий акторов или агентов исторической политики может описываться и анализироваться в категориях легитимации или мобилизации [Reconsidering Roots...]. Подобная редукция исторической политики до одного из второстепенных и обслуживающих ресурсов, используемых политическими элитами [Kramer], существенно влияет на спектр интерпретаций изучаемого явления, содействуя редукции мемориальной политики до одного из проявлений политической культуры [Nysz]. Ограничительным

фактором является и то, что в рамках такого подхода изучение исторической политики связано с применением преимущественно нарративных источников [Olick]. Использование последних делает историков памяти заложниками формальных и традиционных интерпретаций. Поэтому политика памяти и формируемая в ее рамках мемориальная культура или ее множественные проявления и версии воспринимаются не более как формы политической легитимации элит.

Помимо нарративно-дискурсивного анализа в современной историографии возрастает роль иных интерпретационных стратегий, которые стали возможны в результате визуального поворота [Hedges]. Визуальный поворот в изучении политики коллективной памяти может в значительной степени расширить возможности интерпретации и критики со стороны историка, вовлеченного в мемориальные штудии [Heritage, Memory...]. Вместе с тем не следует отрицать и то, что визуальный подход существенно влияет на сужение изучаемых форм и проявлений исторической политики и связанных с ней мемориальных культур и режимов исторической памяти [Huysen]. Поэтому в представленной статье автор пытается синтезировать достижения нарративно-дискурсивной и визуальной историографии, используемой для изучения коллективной исторической памяти грузинского общества в начале 2020-х гг.

Политика памяти в Грузии: общие особенности

Анализ мемориальной культуры современных грузинских либералов невозможен в изоляции от исторической политики Грузии в целом. Политика памяти в этой стране обладает рядом особенностей. Во-первых, мемориальная культура является гетерогенной и, как следствие, фрагментированной. Поэтому различные социальные и политические группы грузинского общества могут иметь свои собственные представления о прошлом. Во-вторых, мемориальная культура Грузии политизирована и идеологизирована. Процессы сращивания коллективных представлений о прошлом с политическими и идеологическими предпочтениями носителей памяти оказывают существенное

влияние на содержательное наполнение мемориальной культуры. В-третьих, для грузинской мемориальной политики характерны идеологические ограничения, что проявляется, например, в формировании и функционировании «советских» нарративов через призму восприятия советского опыта в категориях коллективной исторической травмы. В-четвертых, проведение исторической политики отягощено фрагментацией современного грузинского социума, что ведет к перемещению истории из пространства академических дискуссий в центр политических и идеологических дебатов. В-пятых, в современной Грузии институционализация и организационная формализация исторической политики получили меньшее развитие в отличие от других постсоциалистических стран. Поэтому основными участниками исторической политики, которые формируют и развивают различные версии коллективной памяти в общественных пространствах, следует признать средства массовой информации, политически и идеологически ангажированных гражданских активистов, а также академических историков, которые становятся вынужденными участниками процесса, превращаясь в профессиональных форматоров, носителей, интерпретаторов и ревизионистов исторической памяти, облеченной в форму мемориальной культуры.

Культурные практики как пространство памяти

Современная либеральная версия мемориальной культуры в Грузии отличается значительной гетерогенностью, а пространства ее проявления также разнообразны. В целом мемориальную культуру Грузии характеризует стремление к идеализации и абсолютизации прошлого, его интеграции в публичные и общественные пространства. Джимшер Рехвишвили полагает, что примером такого отношения к памяти является Тбилиси, так как его «городской пейзаж невообразим без памятника Руставели, как немыслимы грузинская культура и литература без Руставели» [რეხვიშვილი]. Подобная, почти примордиальная, интерпретация коллективной памяти несколько ограничивает диапазон ее возможных интерпретаций, делая мемориальную культуру зависимой

от принципов этноцентризма, активно проецируемых на прошлое.

В этой ситуации Тбилиси как материализованная коллективная память воспринимается в качестве фронтального пространства между Европой и Востоком [ფობცხალავა]. Несколько иное восприятие памяти — в современном либеральном дискурсе. Либеральный мемориальный дискурс широко представлен в грузинской культуре, в частности в литературе. Либерально ориентированные грузинские интеллектуалы стремятся предложить не только либеральное видение памяти, формируя соответствующие образы прошлого, но и участвуют в ревизии сложившегося раннее мемориального канона. Подобная ревизия, как правило, направлена, с одной стороны, на пересмотр места советского периода в коллективной исторической памяти, с другой — пересмотру могут подвергаться и сами основания грузинской мемориальной политики. По мнению британского исследователя национализма Э. Смита, «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стала предметом тщательного исследования» [Smith, 71].

Что касается вовлеченности современных историков в политику памяти в качестве ее агентов, то они, как правило, склонны свое участие в политически и идеологически мотивированном использовании прошлого не подвергать публичной огласке. Поэтому показательно мнение историка З. Андроникашвили, который полагает, что «нам нужно уметь правильно описывать нашу историю и видеть связи между событиями, чтобы не впасть в односторонний, героический или мартирологический модус истории. Нам нужно видеть правильные связи и причину и следствие не только для точного знания и описания, но и для того, чтобы не повторять ошибок, допущенных в прошлом, когда мы начинаем строить что-то новое, не строить это новое на фундаменте, который уже ветх и не может ничего на нем строить» [ანდრონიკაშვილი].

В этом контексте заметны умеренные тенденции к ревизии сложившейся мемориальной стратегии в отношении собственного коллективного исторического опыта. Такая ревизия грузинским авторам видится в форме деконструкции, которой следует подвергнуть

советские образы. По мнению Гиорги Лобжанидзе, современная мемориальная культура Грузии не смогла в полной мере использовать потенциал деконструкции советского из национальной памяти и идентичности: «советская эпоха не используется должным образом, то есть до сих пор у нас нет должного отражения этой эпохи в литературе, в искусстве или гуманитарных науках. Именно по этой причине нам до сих пор не удалось избавиться от советской действительности — советского образа жизни или мышления, с которым необходимо принципиальное противостояние» [ლობჯანძე].

В подобной ситуации «история выступает как актуальная и операционная часть современности» [Акудовіч, Казакевіч, 45], что делает неизбежными политические манипуляции с прошлым. Доминирование таких тенденций в функционировании мемориальной культуры превращает историческую память в структурный элемент грузинской политики в целом. Последняя, по мнению экспертов, отличается цикличностью, так как «за впечатляющим прогрессом в сторону демократии следует скатывание к авторитаризму... рухнули надежды на продвижение грузинской демократии, большей подотчетности и более эффективного участия народа, в том числе гражданского общества, в принятии решений. Легитимность всегда подрывалась структурными недостатками импортированных с Запада политических институтов» [ჯომბისი, სპილასძე]. К последним относится и модель политики в области исторической памяти. Трансплантация западных мемориальных практик не смогла радикально изменить культуру коллективной исторической памяти, содействуя ее большей фрагментации и фактической институционализации ситуации одновременного соразвития различных памятей.

Гетерогенизация памяти в Грузии

В рамках такого противостояния формируется и функционирует одна из существующих в современной Грузии мемориальных культур, системной особенностью которой являются гетерогенность и попытки интегрировать в канон национальной памяти грузин как политической нации региональные формы

коллективной памяти. Среди последних выделяется историческая память грузинских мусульман, отягощенная травматическим опытом репрессий и конструирования в XX в. разных идентичностей [Edkins], основанной на попытках их интеграции в грузинский или азербайджанский национальный проект [მარჯობა].

Формирование такой инклюзивной в отношении меньшинств модели мемориальной культуры предусматривает преодоление тенденций к маргинализации негрузин [ევადე, ჭიკაძე], которые в политическом и историческом воображении Грузии доминировали ранее, когда «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставлены под контроль и управление» [Modernity, Memory..., 181]. В такой ситуации либеральная версия памяти основана преимущественно на ревизии и деконструкции тех нарративов, которые формировали более ранние версии коллективных представлений о прошлом.

Основные тенденции функционирования либерального сегмента в грузинской памяти свидетельствуют о том, что «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [Adorno, 91]. Если достичь этого в рамках исторических штудий затруднительно в силу их связи с гражданским национализмом, то художественная проза в такой ситуации фактически актуализирует свою роль как еще одного пространства функционирования коллективной памяти. Российский историк Н. Копосов полагает, что «смена форм исторического сознания должна была сказаться на их семантических структурах» [Копосов, 58], что в определенной степени произошло в рамках грузинской мемориальной культуры.

Кризисные тенденции в коллективной памяти

Именно поэтому герои современных авторов, которые продвигают либеральный канон памяти, решительно отказываются от собственного прошлого и истории того сообщества, к которому они формально или фактически принадлежат. Именно это и делает герой рассказа С. Кублашвили «Оранжевый автобус»

[კუბლაშვილი], который мучительно рвет с корнями, отказываясь от аграрной периферии в пользу города, чему содействует как смерть старшего брата, так и старость родителей, которые являлись естественными носителями коллективной памяти. Если С. Кублашвили актуализирует опасность поколенческого разрыва в исторической памяти, то М. Бекаури указывает на опасность эрозии мемориальной культуры в том случае, если обыденность вытесняет память.

Поэтому ее героиня и оказывается заложницей ситуации, когда «по прошествии двадцати лет каждый новый день ничем не отличается от предыдущего» [ბეკაური]. Время, как полагает французский историк Ф. Досс, «обретает форму с помощью исторического повествования» [Досс, 32], что связано с коллективной памятью. В грузинском случае последняя локализуется не только в публичных и общественных пространствах, но и в культурном дискурсе. Несколько иное восприятие мемориальной культуры мы находим в рассказе Нинуки Коявы «История ужасного горца», который подчеркивает склонность современных интеллектуалов рефлексировать относительно прошлого и коллективного исторического опыта. Нинука Коява конструирует память в категориях дискретности, подчеркивая, что «помнит то время, окутанное страхом, когда мы были и глупы, и беззаботны» [ქოიავა]. Именно это время и символизирует прошлое, осмысляемое в рамках исторической памяти.

Другим фактором, стимулирующим размышление традиционной мемориальной культуры, становится, по мнению С. Кублашвили, современное образование, основанное в том числе и на восприятии информации через чтение, а не приобщение к прошлому при помощи устной традиции. Анализируя коллективную память, во внимание следует принимать и то, что не все грузинские интеллектуалы склонны выстраивать мемориально-центричную модель идентичности, полагая, что следует «жить только настоящим и в настоящем... история, которая происходит сейчас и не имеет связи с прошлым... история ради самой истории» [ბეკაური]. В этом контексте центральность коллективной памяти ставится под сомнение, что позволяет прошлое, как сконструированную историю и мемориальную культуру,

культивирующие социально одобренные и допустимые представления о прошлом, подвергать деконструкции.

Культура как форма радикальной памяти

Проблема коллективной памяти грузинского общества отягощена склонностью к радикализму со стороны носителей ее различных версий, а также значительным уровнем политизации и идеологизации мемориальных практик и проявлений памяти в публичных и общественных пространствах. Такая ситуация была достаточно четко охарактеризована Маро Макашвили в 1918 г., когда она записала в собственном дневнике: «ძირს ძველი კერპები, ახალნი ვიწამოთ!!!» [ჭკადუა], то есть «Долой старых идолов — верим в новых». Поэтому склонность к радикальному пересмотру памяти в рамках мемориальной культуры путем ревизии более ранних ее версий или их радикального отторжения стала основной практикой и стратегией элит и интеллектуалов в отношении коллективных представлений о прошлом.

В связи с этим Г. Чкадуа указывает на склонность грузинских интеллектуалов активно манипулировать памятью путем «создания нового настоящего» при помощи нарративных конструкций, способных «полностью заменить давнее и недавнее прошлое» [ჭკადუა], что лишало последнее его идентичности и аутентичности. Поэтому грузинский аналитик Гига Джохадзе указывает на важность общества как носителя памяти, так как «единственный способ борьбы с пропагандистскими нарративами состоит в развитии долговременной исторической памяти, основанной на реальных фактах и укреплении национальной идентичности. Укрепление идентичности — главная цель, которой служит развитие гражданской памяти» [ჯოხაძე]. Поэтому для мемориальной культуры Грузии и подобных ее поставторитарных обществ «крах коммунизма представлял собой также дезинтеграцию официальной коллективной памяти и артикуляцию ее многочисленных неофициальных нарративов» [Аўтўэйт, Рэй, 42].

В этом контексте современная мемориальная грузинская культура актуализирует роль книги как формы сохранения и воспроизводства

памяти. Гиги Тевзадзе в связи с этим формулирует вопрос: «Почему люди читают?», ответ на который, предполагает, что тексты стали формой фиксации коллективного опыта, известного как историческая память. Комментируя роль книги как фиксированной формы памяти, Г. Тевзадзе указывает на то, что грузинское общество зависит от собственной мемориальной культуры и обречено, как в текстах, так и вне их, постоянно возвращаться к собственной истории, например, независимой Грузинской Демократической Республике [ოვვზადე], одинаково критикуемой и столь же активно идеализируемой современными интеллигентами как профессиональными носителями исторической памяти.

В силу того что «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний» [Кушко, Таки, 495], грузинские интеллигенты в своих современных рефлексиях относительно коллективной памяти активно обращаются к наследию 1920–1930-х гг., подчеркивая степень его интеграции в коллективную память. В этом контексте особую важность для них обретает доказательство неразрывности и наличия преемственности в исторической памяти. Малхаз Харбедиа в связи с этим указывает на важность прошлого в грузинской памяти, которое ассоциируется с образами предков, так как в современной Грузии «все говорят о своих предках с гордостью, трепетом и мифопоэтическим отношением. Предков восхваляют за их человечность, талант, умения, отвагу и даже беспощадность» [ზარბედაი].

Последнее измерение мемориальной культуры, связанное с ее антропологическим измерением, выражается в допущении, что грузинские поэты прошлого являются «поэтами будущего и нам предстоит их еще открыть» [მკვლადე 2022], и это подчеркивает континуитет между различными версиями коллективной исторической памяти. В рамках именно подобной стратегии развития мемориальной культуры 2 марта 2023 г. в Тбилиси был открыт Музей репрессированных писателей [რეპრესობრებულო...], призванный содействовать актуализации и визуализации в публичных и общественных пространствах памяти как коллективной травмы, связанной с репрессиями.

Выводы

Современные грузинские либералы являются активными участниками исторической политики, так как они, наряду с другими акторами, вовлечены в процессы формирования и функционирования коллективной памяти в режиме ревизии, пересмотра или маргинализации отдельных моментов коллективного национального опыта. В рамках либеральной исторической политики в современном грузинском обществе рефлексии в начале 2020-х гг. подвергается широкий круг проблем национальной истории. В такой ситуации либералы достаточно свободно рефлексиируют относительно как исторического опыта нации, так и особенностей и противоречий в развитии грузинской государственности, что неизбежно сопряжено с актуализацией болезненных и травматических моментов в коллективной исторической памяти.

Политика памяти современного грузинского культурного и политического либерализма может восприниматься как форма дискурсивных и нарративных практик. В рамках такого видения участие либералов в формировании мемориальной культуры может редуцироваться до генерации новых смыслов в восприятии прошлого или восприниматься в категориях исторического ревизионизма, направленного на пересмотр как идеологических оснований ранее предложенных интерпретаций, так и эпистемологических принципов изучения исторической памяти как явления.

В целом мемориальная политика либерального сегмента современного грузинского общества в начале 2020-х гг. отражала общие тенденции исторической политики в целом, что проявлялось в параллельном и одновременном соразвитии и функционировании различных версий исторической памяти, локализуемых в мемориальной культуре современного грузинского социума и культурного пространства. Таким образом, специфика мемориальной ситуации Грузии в начале 2020-х гг. состоит в том, что интеллигенты стали не только активными участниками исторической политики, внося свой вклад как в пересмотр истории, так и в ревизию коллективной исторической памяти грузин как политической нации

в целом. Именно интеллектуалы стали в Грузии «профессиональными» носителями исторической памяти, твердо «привязав» последнюю к политическим предпочтениям правящих элит в целом и к своему собственному видению развития памяти, в частности.

Принимая во внимание роль интеллектуального сообщества как пространства

генерации смыслов и источника легитимации политических состояний, мы не можем исключать как возрастание активности интеллектуалов в проведении политики памяти, так и их большее вовлечение в войны памяти как одну из универсальных форм современного функционирования коллективной мемориальной культуры.

Список источников

- Акудовіч А., Казакевіч А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 са-кавіка 2006 года // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 44–48.
- Аўтўэйт Ў., Рэй Л. Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 27–43.
- Досс Ф. Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М. : РОССПЭН, 2013. С. 9–56.
- Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Там же. С. 57–93.
- Кушко А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 485–495.
- ანდრონიკაშვილი ზ. ცხინვალის ომი — 30 წლის შემდეგ // რადიო თავისუფლება. 2021. იანვარი 05. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31034619.html> [Андроникашвили З. Цхинвальская война — 30 лет спустя // Радио Свобода. 2021. 05 января. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31034619.html>] (accessed: 10.04.2023).
- ბერიძე ნ. სემუელ ბეკეტის „მერსიე და კამიე“ ანუ ცხოვრება მხოლოდ აწმყოში // არილი. 2022. დეკემბერი 27. URL: <https://arilimag.ge/ნინო-ბერიძე-სემუელ-ბეკეტ/> [Бერიძე Н. «Мерсье и Камилла» Сэмюэля Беккета, или Живущие только настоящим и в настоящем // Ариэль. 2022. 27 декабря. URL: <https://arilimag.ge/nino-beridze-semuel-becket/>] (accessed: 10.04.2023).
- ბეკაური მ. ადამიანი, რომელმაც წლებზე ფეხი დაიდგა // არილი. 2023. მარტი 17. URL: <https://arilimag.ge/მარი-ბეკაური-ადამიანი-რო/> [Бекаური М. Человек, наступивший на чресла // Ариэль. 2023. 17 марта. URL: <https://arilimag.ge/mari-bekauri-adamiani-ro/>] (accessed: 10.04.2023).
- ევადე ქ., ტივაძე ა. ჯავახეთის სომხები იდენტობაზე მოლაპარაკების პროცესში // სოციალური სამართლიანობის ცენტრი. 2023. თებერვალი 22. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/javakhetis-somkhebi-identobaze-molaparakebis-protsesshi> [Эвадзе К., Тивадзе А. Джавахкские армяне в процессе переговоров об идентичности // Центр социальной справедливости. 2023. 22 февраля. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/javakhetis-somkhebi-identobaze-molaparakebis-protsesshi>] (accessed: 10.04.2023).
- თევზაძე გ. ჩემი ცხოვრების წიგნები // არილი. 2023. მარტი 21. URL: <https://arilimag.ge/გიგი-თევზაძე-ჩემი-ცხოვრება/> [Тевზაძე Г. Книги моей жизни // Ариэль. 2023. 21 марта. URL: <https://arilimag.ge/Gigi-Tevzadze-chemi-zhvere/>] (accessed: 10.04.2023).
- კუბლაშვილი ს. ნარინჯისფერი ავტობუსი // არილი. 2023. მარტი 23. URL: <https://arilimag.ge/სოფიო-კუბლაშვილი-ნარინჯ/> [Кублашвили С. Оранжевый автобус // Ариэль. 2023. 23 марта. URL: <https://arilimag.ge/Sofio-Kublashvili-Narinj/>] (accessed: 10.04.2023).
- ლობჯანიძე გ. დიქტატურის სიტკბო სიმწარისა // ლიბერალი. 2022. თებერვალი 18. URL: <https://liberali.ge/articles/view/46958/diqtaturis-sitkbo-simtsarisa> [Лобჯანიძე Г. Сладость диктатуры // Либерал. 2022. 18 февраля. URL: <https://liberali.ge/articles/view/46958/diqtaturis-sitkbo-simtsarisa>] (accessed: 10.04.2023).
- მარკოზია კ. ვინ არიან მუსლიმი მესხები? // სოციალური სამართლიანობის ცენტრი. 2023. მარტი 01. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/vin-arian-muslimi-meskhebi> [Маркозия К. Кто такие мусульмане месхи? // Центр социальной справедливости. 2023. 01 марта. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/vin-arian-muslimi-meskhebi>] (accessed: 10.04.2023).
- მგელაძე გ. განგაშის პოეზია // არილი. 2022. აგვისტო 2. URL: <https://arilimag.ge/გუგა-მგელაძე-განგაშის-პო/> [Mგელაძე Г. Тревожная поэзия // Ариэль. 2022. 2 августа. URL: <https://arilimag.ge/Guga-mgeladze-gangashis-po/>] (accessed: 10.04.2023).
- რეპრესირებული მწერლების მუზეუმი გაიხსნა // არილი. 2023. მარტი 3. URL.: <https://arilimag.ge/რეპრესირებული-მწერლების/> [Открытие Музея репрессированных писателей // Ариэль. 2023. 3 марта. URL.: <https://arilimag.ge/repressiraneme-mpsrelebi/>] (accessed: 10.04.2023).
- რეხვიაშვილი ჯ. შოთა რუსთაველი, როგორც თბილისის ურბანული ლანდშაფტის ელემენტი // არილი. 2023. მარტი 7. URL: <https://arilimag.ge/ჯიმშერ-რეხვიაშვილი-შოთა/> [Рехвиашвили Д. Шота Руставели как элемент городского пейзажа Тбилиси // Ариэль. 2023. 7 марта. URL: <https://arilimag.ge/Jimsher-rekhviashvili-shota/>] (accessed: 10.04.2023).
- ფირცხალავა ნ. თბილისი როგორც ტექსტი // არილი. 2023. თებერვალი 19. URL: <https://arilimag.ge/ნინო-ფირცხალავა-თბილისი/> [Фирцхალავა Н. Тбилиси как текст // Ариэль. 2023. 19 февраля. URL: <https://arilimag.ge/nino-firtskhalava-tbilisi/>] (accessed: 10.04.2023).

ქოიავა ნ. საზარელი მთების კაცის ამბავი // არილი. 2023. იანვარი 16. URL: <https://arilimag.ge/ნინუკა-ქოიავა-საზარელი-მ/> [Коява Н. Рассказ о грозном горце // Ариэль. 2023. 16 января. URL: <https://arilimag.ge/ninuka-koyava-sazareli-m/>] (accessed: 10.04.2023).

ჭკადუა გ. 25 თებერვლის განთიადი. სცენის მიღმა // ინდიგო. 2021. თებერვალი 25. URL: <https://indigo.com.ge/articles/25-tebervlis-gantiadi-scenis-mighma> [ჭკადუა გ. Рассвет 25 февраля. За кадром // Индиго. 2021. 25 февраля. URL: <https://indigo.com.ge/articles/25-tebervlis-gantiadi-scenis-mighma>] (accessed: 10.04.2023).

ჭკადუა გ. გასაბჭოება — საბჭოური კოლექტიური მეხსიერების პირველი საფეხური // ინფორმაციის თავისუფლების განვითარების ინსტიტუტი. 2020. ოქტომბერი 13. URL: https://idfi.ge/ge/sovietization_the_first_stage_of_soviet_collective_memory [ჭკადუა გ. Советизация — первый этап советской коллективной памяти // Институт развития свободы информации. 2020. 13 октября. URL: https://idfi.ge/ge/sovietization_the_first_stage_of_soviet_collective_memory] (accessed: 10.04.2023).

ხარბედია მ. შეთხზული „მე“ — მწერალი და ავტობიოგრაფია // არილი. 2022. ივლისი 18. URL: <https://arilimag.ge/მალხაზ-ხარბედია-შეთხზული/> [Харбедия М. Сфабрикованное «я» — писатель и автобиография // Ариэль. 2022. 18 июля. URL: <https://arilimag.ge/malkhaz-kharbedia-shetkhzul/>] (accessed: 10.04.2023).

ჯონსი ს., საბანაძე ნ. საქართველოს სჭირდება დემოკრატიის ახალი მოდელი // Civil.ge. 2023. მარტი 24. URL: <https://civil.ge/ka/archives/533235> [Джонс С., Сабанадзе Н. Грузии нужна новая модель демократии // Civil.ge. 2023. 24 марта. URL: <https://civil.ge/ka/archives/533235>] (accessed: 10.04.2023).

ჯოხაძე გ. პუტინის ისტორიული რევიზიონიზმი საქართველოს მაგალითზე — რატომ გვჭირდება სამოქალაქო მეხსიერება? // ჭავჭავაძის ცენტრი. 2022. მარტი 23. URL: <http://chavchavadzecenter.ge/ge/blog/1365-putinis-istoriuli-revizionizmi-saqartvelos-magalitze-ratom-gvchirdeba-samoqalaqo-mexsiereba> [Джохაძე გ. Исторический ревизионизм Путина на примере Грузии — зачем нам гражданская память? // Центр Чавчавадзе. 2022. 23 марта. URL: <http://chavchavadzecenter.ge/ge/blog/1365-putinis-istoriuli-revizionizmi-saqartvelos-magalitze-ratom-gvchirdeba-samoqalaqo-mexsiereba>] (accessed: 10.04.2023).

Adorno Th. The Meaning of Working Through the Past // Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords* / trans. H. W. Pickford. N. Y. : Columbia University Press, 2005. P. 89–103.

Edkins J. *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 284 p.

Hedges I. *World Cinema and Cultural Memory*. L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 207 p.

Heritage, Memory and the Politics of Identity: New Perspectives on the Cultural Landscape / eds. Y. Whelan, N. Moore. L. ; N. Y. : Routledge, 2006. 168 p.

Huyssen A. *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford : Stanford University Press, 2003. 192 p.

Kramer J. *The Politics of Memory*. L. ; N. Y. : Random House, 1996. 293 p.

Memory and History: Understanding Memory as Source and Subject / ed. J. Tumblety. L. ; N. Y. : Routledge, 2013. 230 p.

Modernity, Memory and Postcommunism // *Social Theory and Postcommunism* / eds. W. Outhwaite, L. Ray. L. ; N. Y. : Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 176–197.

Nycz G. *Memory Politics in the Shadow of the New Cold War*. Berlin : De Gruyter Oldenbourg, 2021. 270 p.

Olick J. K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. L. ; N. Y. : Routledge, 2007. 238 p.

Reconsidering Roots: Race, Politics, and Memory / eds. E. L. Ball, K. C. Jackson. Athens: University of Georgia Press, 2017. 234 p.

Smith A. D. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. 1992. Vol. 33, № 1–2. P. 58–80.

Souza Santos A. A. de. *The Politics of Memory: Urban Cultural Heritage*. L. ; N. Y. : Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 216 p.

Tamm M. *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. L. ; N. Y. : Palgrave Macmillan, 2015. 296 p.

The Politics of Memory in Postwar Europe / eds. R. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham : Duke University Press, 2006. 381 p.

References

Adorno, Th. (2005). *The Meaning of Working Through the Past*. Adorno, Th. (2005). *Critical Models: Interventions and Catchwords*. N. Y.: Columbia University Press, 89–103.

Akudovič, A., Kazakievič, A. (2006). Navuka i strategii pracy z minulym. Dyskusija ũ mieżach sieminara “Sučasnjaje bielaruskaje myslennie”, Instytut sacyjalohii, Instytut filozofii NAN, 16 sa-kavika 2006 hoda [Science and strategies for dealing with the past. Discussion within the seminar “Modern Belarusian thinking”, Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, February 16, 2006]. *Palityčnaja sfera (Political sphere)*, 6, 44–48.

Andronik’ashvili, Z. (2021). Tskhinvalis omi — 30 ts’lis shemdeg [Tskhinvali war — 30 years later]. *Radio Tavisupleba*. January 05. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/31034619.html> (accessed: 10.04.2023).

Aütjejt, ũ., Rej, L. (2006). Madernasć, pamiać i postkamunizm [Modernity, memory and post-communism]. *Palityčnaja sfera (Political sphere)*, 6, 27–43.

Ball, E. L., Jackson, K. C. (2017). *Reconsidering Roots: Race, Politics, and Memory*. Athens: University of Georgia Press, 234 p.

Bekauri, M. (2023). Adamiani, romelmats ts’elebze pekhi daidga [A person who stepped on the waist]. *Arili*. March 17. URL: <https://arilimag.ge/mari-bekauri-adamiani-ro/> (accessed: 10.04.2023).

Beridze, N. (2022). Samuel Bek’et’is „Mersie da K’amie“ anu tskhovreba mkholod ats’mq’oti da ats’mq’oshi [Samuel Beckett’s “Mercier and Camille” or living only with the present and in the present]. *Arili*. December 27. URL: <https://arilimag.ge/nino-beridze-semuel-bek’et’/> (accessed: 10.04.2023).

Ch'k'adua, G. (2020). Gasabch'oeba — sabch'ouri k'olekt'iuri mekhsierebis p'irveli sapekhuri [Sovietization — the first stage of Soviet collective memory]. *Inpormatsiis Tavisuplebis Ganvitarebis Inst'it'ut'i*. October 13. URL: https://idfi.ge/ge/sovietization_the_first_stage_of_soviet_collective_memory (accessed: 10.04.2023).

Ch'k'adua, G. (2021). 25 tebervlis gantiadi. stsenis mighma [February 25 dawn. behind the scenes]. *Indigo*. February 25. URL: <https://indigo.com.ge/articles/25-tebervlis-gantiadi-sceni>(accessed: April 10, 2023).s-mighma (accessed: 10.04.2023).

Doss, F. (2013). Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony [How history is written today: a view from the French side]. Garreta, G., Dyufu, G., Pimenova, L. [Eds.]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. M.: ROSSPEN, 9–56.

Edkins, J. (2003). *Trauma and the Memory of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 284 p.

Epadze, K., T'ivadze, A. (2023). Javakhetis somkhebi ident'obaze molap'arak'ebis p'rotsesshi [Armenians of Javakheti in the process of identity negotiations]. *Sotsialuri samartlianobis tsent'ri*. February 22. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/javakhetis-somkhebi-identobaze-molaparakebis-protsesshi> (accessed: 10.04.2023).

Hedges, I. (2015). *World Cinema and Cultural Memory*. L. ; N. Y.: Palgrave Macmillan, 207 p.

Huyssen, A. (2003). *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 192 p.

Jokhadze, G. (2022). P'ut'inis ist'oriuli revizionizmi sakartvelos magalitze — rat'om gvch'irdeba samokalako mekhsiereba? [Putin's historical revisionism on the example of Georgia — why do we need civil memory?]. *Ch'avch'avadzis tsent'ri*. March 23. URL: <http://chavchavadzecenter.ge/ge/blog/1365-putinis-istoriuli-revizionizmi-saqartvelos-magalitze-ratom-gvchirdeba-samoqalaqo-mexsiereba> (accessed: 10.04.2023).

Jonsi, S., Sabanadze, N. (2023). Sakartvelos sch'irdeba demok'rat'iis akhali modeli [Georgia needs a new model of democracy]. *Civil.ge*. March 24. URL: <https://civil.ge/ka/archives/533235> (accessed: 10.04.2023).

Kharbedia, M. (2022). Shetkhzuli „me” — mts'erali da avt'obiograpia [Invented “I” — writer and autobiography]. *Arili*. July 18. URL: <https://arilimag.ge/malkhaz-kharbedia-shetkhzul/> (accessed: 10.04.2023).

Koiava, N. (2023). Sazareli mtebis k'atsis ambavi [The Story of the Terrible Mountain Man]. *Arili*. January 16. URL: <https://arilimag.ge/ninuk'a-koiava-sazareli-m/> (accessed: 10.04.2023).

Koposov, N. (2013). Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego [Historical concepts in a world without a future]. Garreta, G., Dyufu, G., Pimenova, L. [Eds.]. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. M.: ROSSPEN, 57–93.

Kramer, J. (1996). *The Politics of Memory*. L. ; N. Y.: Random House, 293 p.

K'ublashvili, S. (2023). Narinjisperi avt'obusi [Orange bus]. *Arili*. March 23. URL: <https://arilimag.ge/sopio-k'ublashvili-narinj/> (accessed: 10.04.2023).

Kushko, A., Taki, V. (2003). “Kto my?” Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost' [“Who are we?” Historiographic choice: Romanian nation or Moldovan statehood]. *Ab Imperio*, 1, 485–495.

Lebow, R., Kansteiner, W., Fogu, C. (2006). *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham: Duke University Press, 381 p.

Lobzhanidze, G. (2022). Dikt'at'uris sit'k'bo simts'arisa [The sweetness of the dictatorship is bitter]. *Liberali*. February 18. URL: <https://liberali.ge/articles/view/46958/diqtaturis-sitkbo-simtsarisa> (accessed: 10.04.2023).

Mark'ozia, K. (2023). Vin arian muslimi meskhebi? [Who are Muslim Meskhs?]. *Sotsialuri samartlianobis tsent'ri*. March 01. URL: <https://socialjustice.org.ge/ka/products/vin-arian-muslimi-meskhebi> (accessed: 10.04.2023).

Mgeladze, G. (2022). Gangashis p'oezia [The poetry of alarm]. *Arili*. August 2. URL: <https://arilimag.ge/guga-mgeladze-gangashis-p'o/> (accessed: 10.04.2023).

Modernity, Memory and Postcommunism (2005). Outhwaite, W., Ray, L. [Eds.]. *Social Theory and Postcommunism*. L. ; N. Y.: Blackwell Publishing Ltd, 176–197.

Nycz, G. (2021). *Memory Politics in the Shadow of the New Cold War*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 270 p.

Olick, J. K. (2007). *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility*. L. ; N. Y.: Routledge, 238 p.

Pirtskhalava, N. (2023). Tbilisi rogoris t'ekst'i [Tbilisi as a text]. *Arili*. February 19. URL: <https://arilimag.ge/nino-pirtskhalava-tbilisi/> (accessed: 10.04.2023).

Rekhviashvili, J. (2023). Shota Rustaveli, rogoris tbilisis urbanuli landshapt'is element'i [Shota Rustaveli as an element of the urban landscape of Tbilisi]. *Arili*. March 7. URL: <https://arilimag.ge/jimsher-rekhviashvili-shota/> (accessed: 10.04.2023).

Rep'iresirebuli mts'erlebis muzeumi gaikhsna [The Museum of Repressed Writers was opened]. *Arili*. 2023. March 3. URL: <https://arilimag.ge/rep'iresirebuli-mts'erlebis/> (accessed: 10.04.2023).

Smith, A. D. (1992). Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 33(1–2), 58–80.

Souza Santos, A. A. de (2019). *The Politics of Memory: Urban Cultural Heritage*. L. ; N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 216 p.

Tamm, M. (2015). *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. L. ; N. Y.: Palgrave Macmillan, 296 p.

Tevezadze, G. (2023). Chemi tskhovrebis ts'ignebi [Books of my life]. *Arili*. March 21. URL: <https://arilimag.ge/gigi-tevezadze-chemi-tskhovre/> (accessed: 10.04.2023).

Tumblety, J. (2013). *Memory and History: Understanding Memory as Source and Subject*. L. ; N. Y.: Routledge, 230 p.

Whelan, Y., Moore, N. (2006). *Heritage, Memory and the Politics of Identity: New Perspectives on the Cultural Landscape*. L. ; N. Y.: Routledge, 168 p.

Сведения об авторах

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета

*Статья поступила в редакцию 10.04.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2023;
принята к публикации 05.05.2023*

Information about the authors

Maksym W. Kyrchanoff, Doct. Sci. (History), associate professor, Chair of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Chair of Foreign History and Oriental Studies Voronezh State University, Voronezh, Russia

*The article was submitted 10.04.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 05.05.2023*

Научная статья
УДК 94:159.953 + 316.346.36:908(470.26)
doi 10.15826/tetm.2023.1.043

Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия

Максим Евгеньевич Мегем¹, Дмитрий Владимирович Манкевич²

^{1,2}*Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия*

¹megem@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

²DMankevich@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

Аннотация. Статья посвящена проблеме специфики культурной памяти различных поколений населения Калининградской области. Основой для статьи стали результаты социологического опроса жителей региона, проводившегося в 2022 г. Выявление особенностей восприятия калининградцами сюжетов отечественной (общегосударственной) и региональной истории позволит сделать вывод о типичности (или нетипичности) исторических представлений молодежи и других возрастных групп. В статье анализируются ответы респондентов на вопросы о значимых исторических событиях, распаде СССР, об отношении к актуальным проблемам прошлого области и т. д. Делается вывод о близости исторических представлений калининградцев к типичным для российского общества в целом, а также о специфике культурной памяти молодежи.

Ключевые слова: культурная память, коллективная память, Калининградская область, мемориальное наследие, места памяти

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации проекта «Приоритет-2030» «Системный анализ политики памяти в Калининградской области как фактора геополитической безопасности западных рубежей России»

Для цитирования: Мегем М. Е., Манкевич Д. В. Отечественная и региональная история в зеркале культурной памяти калининградцев: поколенческие различия // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 32–45. doi 10.15826/tetm.2023.2.043

Original article

Domestic and Regional History in the Mirror of the Cultural Memory of Kaliningrad Residents: Generational Differences

Maxim E. Megem¹, Dmitrii V. Mankevich²

^{1,2}*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia*

¹megem@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6412-9119>

²DMankevich@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-1962>

Abstract. The article considers the problem of specificity of cultural memory shared by different generations of the Kaliningrad region's residents. The article is based on the results of the sociological survey of the residents carried out in 2022. Identification of specific features of perception of subjects of national (country-wide) and regional history allows to draw a conclusion about the typicality (or atypicality) of historical representations of young people and other age groups. The authors analyze the respondents' answers to the questions concerning significant historical events, the collapse of the USSR, attitude to current problems of the region's past, etc. The researchers come to a conclusion about the closeness of Kaliningrad residents' historical perceptions to those typical of Russian society as a whole, as well as about the specificity of the cultural memory of young people.

Keywords: cultural memory, collective memory, Kaliningrad region, memorial heritage, sites of memory

Acknowledgments: The study has been carried out as a part of the "Priority 2030" project "Systematic Analysis of Memory Politics in the Kaliningrad Region as a Factor in the Geopolitical Security of Russia's Western Frontiers".

For citation: Megem, M. E., Mankevich, D. V. (2023). Otechestvennaya i regional'naya istoriya v zerkale kul'turnoi pamyati kaliningradtsev: pokolencheskie razlichiya [Domestic and Regional History in the Mirror of the Cultural Memory of Kaliningrad Residents: Generational Differences]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 32–45. doi 10.15826/tetm.2023.2.043

Калининградская область, образованная указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1946 г., возникла на территории северной части бывшей германской провинции Восточная Пруссия, переданной Советскому Союзу решением Потсдамской (Берлинской) конференции стран антигитлеровской коалиции. Несмотря на значительные разрушения, здесь сохранилось богатое историко-культурное наследие, представленное как архитектурными сооружениями различных эпох (нередко в руинированном виде), объектами материальной (в том числе индустриальной) культуры, так и памятниками, связанными с событиями и деятелями истории Пруссии и Германии, а также исторически сложившейся топонимической системой. В первые послевоенные годы в области полностью сменилось население (она была заселена советскими людьми, а остававшиеся здесь немцы депортированы в восточные регионы Германии), были запущены процессы,

направленные на ее превращение в полноценный регион РСФСР [Манкевич 2022, 145–151].

В контексте «советизации» края сформировались и подходы к освещению прошлого «земли калининградской». Одной из ключевых черт политики памяти 1950-х — первой половины 1980-х гг. в самой западной российской области стало фактическое забвение довоенного периода местной истории, отказ от его полноценного включения в региональный исторический нарратив. При этом, как показывают исследования ряда литовских и российских исследователей, на территории Клайпедского края Литовской ССР и в польской части бывшей Восточной Пруссии (Вармия и Мазуры) была избрана иная модель работы с немецким периодом прошлого, важной чертой которой стало «присвоение» значительной части сохранившегося историко-культурного наследия [Сафроновас, 230–245; Костяшов, Сергеев, 125–130; Костяшов, Жиров].

Акцент в освещении прошлого Янтарного края был сделан на послевоенных десятилетиях. Особое внимание уделялось боевым действиям на территории Восточной Пруссии на завершающем этапе Великой Отечественной войны, увековечивание памяти о героизме бойцов Красной армии и выдающихся советских военачальниках стало центральным элементом коммеморативных практик. В своеобразный «краткий курс» истории области были включены и отдельные эпизоды («кейсы»), соединяющие прошлое «новой советской земли» с историей СССР: завоевание Пруссии рыцарями Тевтонского ордена и борьба пруссов (и литовцев) с крестоносной агрессией, события Семилетней и Наполеоновских войн на территории края, доставка газеты «Искра» в Россию через Восточную Пруссию и некоторые другие. Научное исследование, преподавание и популяризация довоенной истории (за исключением официально одобряемых сюжетов) находились под негласным запретом, что препятствовало формированию как научно-обоснованной концепции региональной истории, так и соответствующих научно-популярных нарративов, а также способствовало созданию во многом деформированной, потенциально неустойчивой в изменяющихся условиях модели исторических представлений. Сохранение на территории региона значительных элементов немецкого историко-культурного наследия при наличии информационного «вакуума» привело к закономерной романтизации немецкого прошлого, своеобразной «тоске» по «канувшей в Лету» Восточной Пруссии (земле тевтонских рыцарей, мудрых философов, трудолюбивых немецких горожан и фермеров).

Во второй половине и особенно в конце 1980-х гг., в условиях развития «гласности» и демократизации общественно-политической жизни, началась постепенная ликвидация идеологических и цензурных препятствий на пути к освоению «тайн» довоенного прошлого, стартовало издание книг о Кёнигсберге и об ученых кёнигсбергского университета [Лавринович 1989; Губин, Строкин]. В 1990-е гг. «открытие» довоенной истории приобрело принципиально новые масштабы: «немецкое прошлое» заняло доминирующее положение в процессах трансформации «культуры памяти». Книжный рынок постепенно заполнялся соответствующей

литературой, были написаны и опубликованы первые российские научно-популярные издания об истории Восточной Пруссии [Восточная Пруссия...] и университета в Кёнигсберге [Лавринович 1995]. Мемориальный «ландшафт» области дополнялся новыми памятниками и «местами памяти», связанными с довоенным прошлым [Манкевич, Мегем 2023a]. При этом существенные успехи были достигнуты и в научном изучении процессов второй половины 1940-х гг.: заселения области советскими людьми, формирования региональной системы власти, положения и депортации оставшихся здесь немцев. Однако, в отличие от изданий и телепередач по довоенной тематике, эти исследования тогда не стали важным фактором формирования представлений о прошлом. Государство и местная власть в этот период достаточно редко предпринимали попытки влияния на процесс работы с сюжетами довоенного прошлого, предоставив всю полноту возможностей калининградским ученым, творческой интеллигенции, средствам массовой информации и представителям туристического бизнеса.

В начале XXI в. отношение к «немецкому» периоду стало более спокойным, период «бури и натиска» остался позади. Появились полноценные исследования различных аспектов истории края, в том числе по послевоенной истории. В настоящее время в научном сообществе фактически сложилась соответствующая историческая концепция, участие региональных властей в формировании исторических представлений населения стало более активным и системным. Однако в туристической сфере, в связи с наличием спроса со стороны туристов из других регионов России, наметившийся в 90-е гг. «крен» сохранился. Подавляющая часть туристической и сувенирной продукции, а также музейных экспозиций и туристических маршрутов, электронных ресурсов связано с репрезентацией немецкой части регионального прошлого. Своеобразной реакцией на это стала развернувшаяся в конце 2000–2010-х гг. кампания против так называемой «германизации», ключевой тезис борцов с которой сводился к констатации наличия в регионе интересантов изменения идентичности его жителей за счет стимулирования интереса (прежде всего со стороны молодежи) к идеализированной версии немецкого

прошлого Янтарного края [Дементьев 2023, 145–146].

Существенные изменения политики памяти в Калининградской области, наблюдавшиеся в годы перестройки и в постсоветский период, а также сложная структура местного мемориального наследия обусловили значительный интерес исследователей к различным аспектам региональной культуры памяти. Формирование соответствующего исследовательского направления можно отнести к 1990-м гг., когда на основе собранных калининградскими историками интервью первых советских переселенцев удалось проследить процесс их социально-культурной адаптации на новой земле [Восточная Пруссия глазами...]. «Архивная революция» позволила ввести в научный оборот множество ранее недоступных источников, использование которых привело к появлению первых научных реконструкций практик политики памяти в советский период [Изгнание...]. В первые полтора десятилетия XXI в., в условиях развития научных контактов с зарубежными исследователями, политика памяти в Калининградской области и на сопредельных территориях превращается в постоянный объект внимания историков Балтийского федерального университета (БФУ). Предметом исследования выступают принципы и практики конструирования исторической памяти населения региона в советский период [Маслов; Дементьев 2016; Дементьев 2014], общие черты и специфика «освоения» исторического наследия в российской, литовской и польской «частях» бывшей Восточной Пруссии [Дементьев 2012; Дементьев 2015], а также структура и особенности исторического сознания современного населения региона и актуальные тенденции политики памяти на «крайнем западе» России [Дементьев 2019; Дементьев 2020; Манкевич, Мегем 2023б; Дементьев 2023]. Последнее из обозначенных тематических направлений, представители которого нередко оперируют понятием «идентичность» [Зиновьев, 565–570], требует проведения системных социологических исследований, применения междисциплинарного подхода.

В современном социально-гуманитарном знании интенсивно развиваются направления, связанные с изучением феноменов культурной памяти, исторического сознания,

политики памяти [Ассман 2019; Ассман, 2023; Политика памяти...]. Культурная память чаще всего понимается как символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, способная реконструировать социально значимые исторические события (и явления), придавая им ценностную трактовку, основу которой составляют коллективные представления, а своеобразный «каркас» — места памяти [Репина; Корнющенко-Ермолаева]. Коллективная память способна символически реконструировать социально значимые исторические события, придавая им определенную ценностную трактовку. Представление об особой роли коллективной памяти в контексте формирования и поддержания идентичности, по мнению О. Ю. Малиновой, стало типичной идеей научных нарративов [Политика памяти..., 26, 27]. А. И. Миллер отмечает возросшую актуальность исследований локальных и групповых представлений о прошлом, в том числе с целью выявления в них элементов общегосударственного исторического нарратива [Там же, 8–10]. В центре внимания исследователей находятся и практики использования мемориальных объектов (символов) предшествующего периода в условиях смены поколений [Makhotina; Rosenberg; Cole].

В 2021–2022 гг. коллективом сотрудников БФУ было проведено масштабное исследование, нацеленное на изучение структуры и содержания исторической памяти жителей Калининградской области. Основное внимание было сосредоточено на выявлении отношения калининградцев к событиям, процессам и персоналиям отечественной истории, образующим основу «большого российского нарратива» о прошлом, а также на восприятии ими региональной истории, в том числе довоенной. В рамках данной статьи представлены результаты массового опроса жителей Калининградской области, который проводился осенью 2022 г. с учетом поколенческих различий, а также некоторые интерпретации его результатов. Выборка опроса включала 997 респондентов. В каждом опросе выборка квотировалась по полу, возрасту и месту проживания респондента. Ожидаемая погрешность данных составляет не более $\pm 4\%$.

В качестве наиболее значимого события отечественной истории участники опроса

определили Победу в Великой Отечественной войне (табл. 1). Нам представляется, что этот результат в значительной степени обусловлен его центральным положением в современной государственной концепции памяти о прошлом, позиционированием Дня Победы как главного государственного и поистине всенародного праздника. Также, с точки зрения калининградцев, важными событиями отечественной истории являются полет Юрия Гагарина в космос (49,1 %), Октябрьская революция 1917 г. (48,2 %), а также распад СССР (41,5 %).

При этом исследование позволило выявить специфику ответов представителей различных поколений жителей области. Примерно каждый пятый представитель молодежи (18–35 лет) не считает победу в Великой Отечественной войне значимым историческим событием, при этом среди средних и старших возрастов данное событие не просто уверенно лидирует, а называется почти всеми анкетирруемыми.

Память о революционных событиях 1917 г. постепенно покидает «актуальную зону» культурной памяти молодежи, сохраняя при этом значение для более старших поколений (имеющих опыт жизни, обучения в СССР, тесного взаимодействия с советскими поколениями). Примечательно, что для молодых поколений большее значение по сравнению со старшими

имеет память об отмене крепостного права в 1861 г., что, возможно, свидетельствует о более высокой оценке действий властей, приведших к расширению «пространства свободы», эмансипации дискриминированных слоев населения, а также (возможно) является следствием изменений в освещении этого сюжета в школьных учебниках в постсоветский период, изменении подходов к преподаванию истории Великой крестьянской реформы в школе.

Около четверти молодежи (26,3 %) не знают о судьбе своих родственников в годы войны, 9 % не смогли ответить на данный вопрос (табл. 2). Таким образом, для каждого третьего молодого калининградца характерны разрыв в семейной памяти, утрата эмоционально окрашенной личной психологической связи с событиями военных лет.

Личная (эмоциональная) связь молодежи с памятью о Великой Отечественной войне слабеет в силу невозможности общаться с ветеранами, родственниками, пережившими оккупацию, а государственные и неофициальные коммеморативные практики, связанные с историей войны, не обладают достаточной для компенсации этой особенности эффективностью. Вместе с тем в последнее время доступ к информации о судьбе миллионов фронтовиков значительно расширился благодаря

Таблица 1

Результаты ответов на вопрос «Какие события в российской истории, на ваш взгляд, являются самыми значимыми?» (не более пяти вариантов ответа)

Событие	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Победа в Великой Отечественной войне	90,3	80,1	94,0	97,5
Полет Юрия Гагарина в космос	49,1	45,3	52,7	49,7
Октябрьская революция 1917 года	48,2	36,5	50,2	58,6
Распад СССР	41,5	41,5	37,5	45,4
Крещение Руси	37,7	34,8	36,6	42,0
Победа в Отечественной войне 1812 года	37,6	38,3	35,3	39,2
Отмена крепостного права	35,9	46,2	36,0	25,0
Воссоединение Крыма с Россией	30,7	31,0	27,4	33,6
Куликовская битва	18,5	19,9	19,2	16,4
Победа в Северной войне	9,5	14,0	8,2	5,9
Затрудняюсь ответить	0,4	0,6	0,6	0

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос «Известна ли вам судьба ваших близких родственников, участников Великой Отечественной войны?» (респондент мог выбрать несколько ответов)

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Да, погибли	45,4	32,8	41,7	62,7
Да, были ранены	37,2	27,2	41,4	43,8
Да, прошли войну без ранений и пленения	17,1	11,6	18,8	18,2
Нет, сведений найти не удалось.	16,4	26,3	15,0	7,1
Да, пропали без вести	16,1	11,6	18,8	18,2
Да, попали в плен или были угнаны на работы в Германию	8,6	5,5	10,7	9,9
Затрудняюсь ответить	4,9	9,0	3,8	1,5

электронным документальным базам, таким как «Память народа» и «Подвиг народа», что, возможно, объясняет лучшую осведомленность представителей старших поколений о судьбе своих предков. Однако молодежь, видимо, далеко не в полной мере использует возможности данных ресурсов.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что важное место в историческом сознании жителей области занимает фигура И. В. Сталина, которого признают выдающимся историческим деятелем представители всех поколений (табл. 3). Отношение калининградской молодежи к И. В. Сталину в связи с восприятием ею региональной истории было проанализировано в работе М. И. Кришталь [Кришталь, 885–889]. Мы полагаем, что огромная популярность Сталина во многом является следствием

мифологизации данной исторической фигуры, акцентированным восприятием его как эффективного руководителя, а также высокой плотностью значимых для страны исторических событий (в том числе позитивных), пришедшихся на период пребывания И. В. Сталина во главе государства.

Также отметим, что просматривается и региональный момент, способствующий высокой оценке его деятельности: северо-восточная часть Восточной Пруссии, которая сегодня является Калининградской областью, оказалась в составе Советского Союза в том числе стараниями «вождя народов». При этом для молодежи характерно более спокойное, нейтральное отношение к И. В. Сталину, у старших поколений наблюдается большая поляризация оценок с преобладанием положительных.

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к личности И. В. Сталина?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Положительно	19,1	12,0	24,1	21,6
Скорее положительно	18,2	15,5	20,1	19,1
Нейтрально	29,0	32,0	29,5	25,3
Скорее отрицательно	11,1	12,0	9,1	12,0
Отрицательно	8,9	10,0	5,6	11,5
Затрудняюсь ответить	13,7	18,5	11,6	10,5

Распад СССР вызывает крайне неоднозначные оценки жителей Калининградской области (табл. 4). Если мы посмотрим, как на этот вопрос отвечали представители разных поколений, то наблюдается следующая картина: молодежь в целом не сожалеет о распаде СССР (21,2 %) или затрудняется обозначить свою позицию (27,4 %). Отсутствие личной (эмоционально нагруженной) связи с советским периодом и здесь влияет на характер ответов.

Абсолютное большинство населения Калининградской области интересуются региональной историей (84,5 %), при этом наибольший интерес вызывает довоенный период (условно «пруссский» и немецкий, 34,1 и 19,7 % соответственно, табл. 5). Вместе с тем интерес к советскому периоду также является весьма устойчивым (18,1 %) и лишь ненамного уступает интересу к немецкому времени. Основные возрастные различия по данному вопросу возникли в отношении немецкого и советского периодов. Среди молодежи фиксируется также высокий интерес к немецкому периоду, а среди представителей старшей возрастной группы — к советскому. Наименьший интерес

у населения региона вызывает российский (современный) период.

Факторами повышенного интереса к довоенному прошлому, на наш взгляд, являются отсутствие системной и комплексной деятельности, нацеленной на популяризацию советского периода, эстетическая привлекательность довоенного архитектурного наследия (в том числе утраченного в реальности, но сохраненного в многочисленных фотографиях Кёнигсберга), определенная романтизация этого времени в массовой культуре и бизнес-сфере (в противовес не столь привлекательной повседневности и эстетике советских десятилетий). Раннее Средневековье («седая древность») окружена ореолом таинственности и уже поэтому привлекает к себе повышенное внимание, которое в условиях отсутствия доступной достоверной информации приводит к формированию мифологизированного образа далекого прошлого калининградской земли. Подобная ситуация наблюдается и в ряде других российских регионов, однако в Калининградской области, в силу отсутствия «русской старины», ее место занимают «пруссские древности».

Таблица 4

Результаты ответов на вопрос «Сожалевте ли вы о распаде СССР?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Да	43,5	21,2	51,1	59,3
Нет	33,9	51,3	28,4	21,1
Затрудняюсь ответить	22,6	27,5	20,5	19,6

Таблица 5

Результаты ответов на вопрос «Какой период истории нашего региона вызывает у вас наибольший интерес?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Прусский (донемецкий)	34,1	29,2	37,9	34,0
Немецкий	19,7	26,9	17,9	14,2
Советский	18,1	14,7	17,9	22,2
Российский (современный)	12,6	15,9	10,3	11,7
Не интересуюсь историей региона	15,5	13,3	16,0	17,9

В то же время фокус-групповые исследования демонстрируют очень поверхностные знания местной истории довоенного периода, многие респонденты зачастую не понимают разницу между прусским и немецким периодом. Таким образом, декларации о заинтересованности региональным прошлым часто остаются только декларациями и не подкрепляются соответствующими знаниями и усилиями.

Низкий интерес к постсоветской истории области (российский период), вероятно, объясняется восприятием этого времени как элемента продолжающейся современности, которая, по распространенному мнению, не является предметом исторического изучения.

Более половины респондентов (53,9 %) положительно относятся к переименованию Кёнигсберга в Калининград в 1946 г. (табл. 6). Доля тех, кто считает, что нужно было сохранить историческое название, значительно меньше (15,3 %). Также незначительное количество респондентов (12,5 %) заявило о положительной оценке переименования, но при этом считает, что нужно было дать другое название. Ими были предложены следующие варианты и аргументы: Балтийск, Прибалтийск или Владивалтийск, Елизаветинск, Кантград, Королевец, Жуков, Кёнингсити, Черняховск, «морское или военное связанное с ВОВ», «название, связанное с победой и имеющее русский колорит», «перевести на русский Кёнигсберг — Корольбург, Корольград и т. д.».

Среди молодежи несколько выше доля тех, кто относится к этому отрицательно (19,5 %). В то же время среди представителей старших возрастных групп выше доля тех, кто

поддерживает переименование, но считает, что городу нужно было дать другое название. В чем секрет «популярности» названия Кёнигсберг? С нашей точки зрения, это связано с тем, что оно воспринимается многими как своего рода бренд, активно распространяемый местной туристической индустрией, бизнес-практиками, оно интегрировано в культуру памяти населения края и зачастую воспринимается не как чужеродный символ, а как часть «своей» истории. Вместе с тем существующее название города, Калининград, под влиянием разоблачительных кампаний 1990–2010-х гг., направленных против М. И. Калинина (например, как члена Политбюро ЦК ВКП(б), ответственного за проведение массовых политических репрессий), вызывает критическое отношение у части калининградцев.

По результатам многочисленных исследований, философ Иммануил Кант является самым популярным региональным историческим персонажем в Калининградской области. По этой причине мы спросили, как респонденты относятся к сохранению памяти об И. Канте.

Абсолютное большинство жителей Калининградской области положительно относятся к сохранению памяти о немецком философе И. Канте (табл. 7). Самая высокая доля респондентов с отрицательным отношением зафиксирована среди возрастной группы 55+ (11,7%), но при этом и она невысока.

Эти данные подтверждают гипотезу о «присвоении» Канта калининградцами. Немецкий философ уже давно превратился в местного культурного героя, персонажа «городских легенд», имя которого выполняет роль

Таблица 6

Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к переименованию Кёнигсберга в Калининград в 1946 г.?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Положительно	53,9	55,3	54,9	51,2
Отрицательно	15,3	19,5	14,7	11,4
Переименование поддерживаю, но нужно было дать городу другое название	12,5	6,9	13,5	17,6
Затрудняюсь ответить	18,3	18,3	16,9	19,8

туристического бренда и своеобразного маркера городского пространства. В Калининградской области сегодня многое сохраняет память о Канте: памятник возле корпуса БФУ на улице Университетской, могила Канта на острове его имени в центре города, его портрет на стене жилого дома на улице Невского на въезде в город, название магазинов («Кант-маркет») и проч.

Идея восстановления Кёнигсбергского замка имеет высокую поддержку представителей широкой возрастной группы 18–54 (табл. 8). В свою очередь, для значительной части представителей старшей возрастной группы 55+ характерно отрицательное отношение (25,3%). Также среди них самая высокая доля затруднившихся ответить (27,8%).

Высокая поддержка идеи о восстановлении замка, как нам представляется, также связана с процессами мифологизации и романтизации. Подавляющая часть калининградцев имеет только виртуальное представление о замке, руины которого были взорваны до рождения большинства современных жителей города.

Королевский замок, как и сохранившиеся в области замки (и их руины), воплощают память о местном Средневековье (необходимый элемент комплекса массовых исторических представлений), а также выступают в качестве привлекательных туристических объектов (в том числе виртуальных), это яркие детали местного культурного ландшафта. В условиях отсутствия на калининградской земле «мест памяти», связанных с историей отечественного Средневековья, их роль выполняют орденские замки и некоторые культовые сооружения (кирхи). Кроме того, воспоминание о замке в последние двадцать лет регулярно всплывают в процессе контекстуальных повествований, посвященных судьбе замка. Так, например, тематика восстановления Кёнигсбергского замка неоднократно обсуждалась на заседаниях Совета по культуре во время губернаторств Г. В. Бооса и Н. Н. Цуканова. Наиболее ярким примером служат обсуждения перспективы восстановления замка в рамках проекта «Сердце города», которая, в свою очередь, привела к актуализации публикаций

Таблица 7

Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к сохранению памяти об И. Канте?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Положительно	74,5	78,8	81,5	63,0
Отрицательно	7,6	4,3	6,9	11,7
Затрудняюсь ответить	17,9	16,8	11,6	25,3

Таблица 8

Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к идее восстановления Кёнигсбергского замка в Калининграде?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Положительно	42,1	51,0	47,8	27,2
Скорее положительно	19,6	21,0	17,9	19,8
Скорее отрицательно	11,5	6,1	11,9	16,7
Отрицательно	5,9	3,5	5,7	8,6
Затрудняюсь ответить	20,9	18,4	16,7	27,8

о «несправедливом» сносе замка по вине нерадивых партийных руководителей, несмотря на то, что значительная часть калининградской интеллигенции была против сноса [Взрывы пропагандиста...; Мы его взорвем...].

Практически все опрошенные придерживаются мнения, что довоенную немецкую архитектуру необходимо восстановить (табл. 9). В основном расходятся точки зрения относительно того, в каком виде она должна быть восстановлена. Более половины респондентов (58,0 %) хотели бы видеть возрожденные объекты немецкой архитектуры в оригинальном виде, что свидетельствует о положительном отношении к довоенной архитектурной стилистике.

Эта тенденция, особенно характерная для молодежи, не столь явно проявляет себя при анализе ответов пожилых калининградцев, среди которых немало тех, кто выступает за снос полуразрушенных зданий или затрудняется с ответом. Как и в случае с Королевским замком, именно этой части населения присущ некоторый диссонанс, сомнения, в отношении к довоенному наследию, но он не велик.

В современной Калининградской области образы Восточной Пруссии широко используются местными предпринимателями в маркетинговых целях (в названиях магазинов, кафе, фирм). Заключительный вопрос был нацелен

на выявление отношения калининградцев к торговым маркам, отсылающим к довоенной истории. Молодежь и представители средних возрастных групп воспринимают торговую марку как органичный элемент местного туристического ландшафта, маркетинговой культуры, однако для самых старших поколений всё не так очевидно: многие участники опроса, вероятно, усматривают в этих названиях идеологический подтекст (табл. 10).

Исследование позволило выявить некоторые черты калининградского регионального типа культурной памяти. Он характеризуется соединением различных картин и культур прошлого, присущих разным поколениям, профессиональным и социальным группам. С точки зрения структуры калининградский вариант не является чем-то особенным: сосуществование различных моделей представлений о прошлом характерно для России в целом, присуще населению других регионов страны. Данная конструкция представлений о прошлом в целом соотносится с официальным российским нарративом [Манкевич, Мегем 2023б, 56–59]. Исследование позволило выявить значимую специфику культурной памяти различных поколений жителей области. В настоящее время только память о Великой Отечественной войне является единственным

Таблица 9

Результаты ответов на вопрос «Если бы у вас была возможность решить судьбу довоенного немецкого архитектурного наследия в Калининградской области, каким было бы ваше решение?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Все полуразрушенные здания были бы восстановлены в оригинальном виде	58,0	60,5	66,1	47,5
Все здания были бы восстановлены, но их внешний вид был бы изменен	12,7	16,3	8,6	12,7
Все полуразрушенные здания были бы снесены	9,0	6,5	7,0	13,6
Все сооружения были бы оставлены нетронутыми	3,6	5,3	3,0	2,2
Затрудняюсь ответить	12,3	7,4	11,0	18,7
Другое	4,4	4,0	4,3	5,3

Результаты ответов на вопрос «Как вы относитесь к тому, что в Калининградской области некоторые рестораны, магазины и отели имеют немецкие названия?»

Вариант ответа	Процент от числа опрошенных	Возраст респондентов		
		18–35	36–54	55+
Положительно	23,0	34,0	24,8	9,3
Скорее положительно	15,0	19,6	16,3	8,7
Скорее отрицательно	12,5	8,6	10,0	19,2
Отрицательно	10,7	5,2	8,2	19,2
Нейтрально	28,5	26,8	30,4	28,5
Затрудняюсь ответить	10,3	5,8	10,3	15,2

объединяющим сюжетом для всех возрастных групп калининградцев, однако в перспективе, по мере замещения поколений, объединяющий потенциал памяти о войне, вероятно, будет ослабевать. Аналогичную тенденцию отражает и опрос ВЦИОМ «День Победы-2023» [День Победы-2023...].

Ответы на вопросы по общероссийской проблематике, данные респондентами в ходе массового опроса (ключевые события, отношение к Дню Победы, к И. В. Сталину, распаду СССР), демонстрируют наличие значительных различий в восприятии прошлого между молодежью (18–35 лет), с одной стороны,

и остальными возрастными группами (36–54, 55+) — с другой. Средневозрастные и старшие поколения воспринимают элементы «большого российского нарратива» схожим образом, отличия здесь не так заметны. С другой стороны, по ряду вопросов регионального прошлого (особенно по вопросу о восстановлении Королевского замка) наблюдается большая близость в ответах молодежи и респондентов среднего возраста, старшие поколения занимают более «консервативные» позиции, что, возможно, объясняется сохранением отношения к довоенному прошлому, характерного для советского периода.

Список источников

- Ассман А. Длинная тень прошлого. М. : Новое лит. обозрение, 2023.
- Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М. : Новое лит. обозрение, 2019.
- Взрывы пропагандиста: кто уничтожил и кто пытался сохранить Королевский замок. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/22609823-vzryvy-propagandista-kto-unichtozhal-i-kto-pytalsya-sokhranit-korolevskiy-zamok.html> (дата обращения: 15.04.2023).
- Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах / под ред. Ю. В. Костяшова. СПб., 2002.
- Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград : Кн. изд-во, 1996.
- Губин А. Б., Строчкин В. Н. Очерки истории Кёнигсберга. Калининград : Кн. изд-во, 1991.
- Дементьев И. О. «Разделенная история»: Изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 105–120.
- Дементьев И. О. «Что я могу знать?»: формирование дискурсов о прошлом Калининградской области в советский период (конец 1940–1980-е годы) // Люди и тексты : ист. альм. 2014. № 6. С. 175–218.
- Дементьев И. О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 104–112.
- Дементьев И. О. Калининградская область как зона диалога культур и столкновения мест памяти // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти. Калининград, 2012. С. 28–31.
- Дементьев И. О. Политика памяти в Калининградской области // Политика памяти в России — региональное измерение : моногр. / под ред. А. И. Миллера, О. Ю. Малиновой, Д. В. Ефременко. М. : Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2023. С. 137–175.

- Дементьев И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда // Наследие веков. 2020. № 3 (23). С. 40–61.
- Дементьев И. О. Цензура как инструмент политики памяти в Калининградской области советского периода // Калининградские архивы. 2016. № 13. С. 98–110.
- День Победы-2023: Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dep-pobedy-2023> (дата обращения: 15.04.2023).
- Зиновьев А. С. Идентичность калининградцев: влияние социальных убеждений на выбор самоидентификации // Изв. РАН. Серия географическая. 2021. Т. 85, № 4. С. 565–578.
- Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003.
- Корнющенко-Ермолаева Н. С. Особенности смысловой трансляции коллективной исторической памяти // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 30–36.
- Костяшов Ю. В., Жиров А. А. Политика дегерманизации на Возвращенных землях в Польше после Второй мировой войны: языковой аспект // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2020. Т. 11, № 7 (93). С. 25. doi: 10.18254/S207987840010094-2
- Костяшов Ю. В., Сергеев В. В. Региональная политика памяти в Вармии и Мазурах (Польша) // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 4. С. 118–131.
- Кришталь М. И. Восприятие молодежью Калининградской области региональной истории и Великой Отечественной войны в контексте отношения к фигуре И. В. Сталина // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия : Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 883–903.
- Лавринович К. К. Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета: к 450-летию со времени основания. Калининград : Кн. изд-во, 1995.
- Лавринович К. К. Фридрих Вильгельм Бессель, 1784–1846. М. : Наука, 1989.
- Манкевич Д. В. Процессы демографического развития в истории Калининградской области: общероссийские тенденции и региональная специфика // Балтийский регион. 2022. № 3. С. 145–164.
- Манкевич Д. В., Мегем М. Е. Иностранное наследие в мемориальном ландшафте Калининградской области // Там же. 2023а. № 2. С. 139–155.
- Манкевич Д. В., Мегем М. Е. Отечественная история в культурной памяти калининградцев // Вестн. Омск. ун-та. Сер. : Исторические науки. 2023б. №. 1. С. 48–60.
- Маслов В. Н. Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 77–84.
- Мы его взорвем: как глава области и писатель спорили о судьбе Королевского замка: URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/22664039--my-ego-vzorvem-kak-glava-oblasti-i-pisatel-sporili-o-sudbe-korolevskogo-zamka.html> (дата обращения: 15.04.2023).
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, структуры, нарративы : коллектив. моногр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2020.
- Репина Л. П. Память о прошлом как яблоко раздора, или Еще раз о (меж)дисциплинарности // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 1 (13). С. 25–32.
- Сафроновас В. О постижении восточнопрусского города после 1945 года. Соотношение его восприятий во всеобщей, национальной, локальной системах значений на примере Клайпеды // *Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje (=Acta Historica Universitatis Klaipedensis. Т. 24). Klaipėda, 2012. S. 230–276.*
- Cole T. Crematoria, barracks, gateway: Survivors' return visits to the memory landscapes of Auschwitz // *History and Memory*. 2013. № 25 (2). P. 102–131.
- Makhotina E. Between heritage and (identity) politics: dealing with the signs of communism in post-Soviet Lithuania // *National Identities*. 2021. № 23 (5). P. 511–530.
- Rosenberg T. J. Contemporary Holocaust Memorials in Berlin: On the Borders of the Sacred and the Profane // *Holocaust and its Contexts*. 2015. P. 73–89.

References

- Assman, A. (2023). *Dlinnaya ten' proshlogo* [The Long Shadow of the Past]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Forgetting History — Obsessing Over History]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Cole, T. (2013). Crematoria, barracks, gateway: Survivors' return visits to the memory landscapes of Auschwitz. *History and Memory*, 25 (2), 102–131.
- Dement'ev, I. O. (2012). Kaliningradskaya oblast' kak zona dialoga kul'tur i stolknoveniya mest pamyati [Kaliningrad Region as an Area of Dialogue Between Cultures and Clash of Sites of Memory]. *Mezhdru Oderom i Nemanom: problemy istoricheskoi pamyati*. Kaliningrad, 28–31.
- Dement'ev, I. O. (2014). "Chto ya mogu znat'?: formirovanie diskursov o proshlom Kali-ningradskoi oblasti v sovetskii period (konets 1940-kh — 1980-e gody) ["What Can I Know?": Shaping Discourses on the Past of the Kaliningrad Region in the Soviet Period (Late 1940s — 1980s)]. *Lyudi i teksty. Istoricheskii al'manakh*, 6, 175–218.
- Dement'ev, I. O. (2015). "Razdelennaya istoriya": Izuchenie istoricheskoi politiki na zem-lyakh byvshei Vostochnoi Prussii v svete sovremennykh diskussii [A 'Divided History': The Politics of Memory on the Territory of the Former East Prussia in the Light of Current Discussions]. *Baltiiskii region*, 4(26), 105–120.

Dement'ev, I. O. (2016). Tsenzura kak instrument politiki pamyati v Kaliningradskoi oblasti sovetskogo perioda [Censorship as an Instrument of Politics of Memory in Sovietera Kaliningrad]. *Kaliningradskie arkhivy*, 13, 98–110.

Dement'ev, I. O. (2019). Identichnost' i kollektivnaya pamyat' kaliningradtsev v zerkale sovremennykh pol'skikh issledovaniy [Identity and Collective Memory of Kaliningraders in the Recent Polish Studies]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2, 104–112.

Dement'ev, I. O. (2020). Sovetskie grazhdanskies pamyatniki v kul'turnom landshafte Kaliningrada [Soviet-Era Civic Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad]. *Nasledie vekov*, 3 (23), 40–61.

Dement'ev, I. O. (2023). Politika pamyati v Kaliningradskoi oblasti. *Politika pamyati v Rossii — regional'noe izmerenie: monografiya / pod red. A. I. Millera, O.Yu. Malinovi, D. V. Efremenko* [Politics of Memory in the Kaliningrad Region]. M.: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 137–175.

Den' Pobedy-2023. *Analiticheskii obzor VTsIOM* [Victory Day 2023. Analytical Review by VCIOM]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (accessed: 15.04.2023).

Gubin, A. B., Strokin, V. N. (1991). *Ocherki istorii Kenigsberga* [Essays on the History of Königsberg]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.

Izgnanie prusskogo dukha. Zapreshchennoe vospominanie [Banishment of the Prussian Spirit. A Forbidden Memory] (2003). Kaliningrad: Izdatel'stvo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta.

Kornyushchenko-Ermolaeva, N. S. (2022). Osobennosti smyslovoi translyatsii kollektivnoi istoricheskoi pamyati [Features of Semantic Translation of Collective Historical Memory]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 30–36.

Kostyashov, Yu. V., Zhirov, A. A. (2020). Politika degermanizatsii na Vozvrashchennykh zemlyakh v Pol'she posle Vtoroi mirovoi voiny: yazykovoi aspekt [Politics of Degermanisation in the Returned Lands in Poland After World War II: The linguistic aspect]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 11, 7 (93), 25.

Kostyashov, Yu. V., Sergeev, V. V. (2018). Regional'naya politika pamyati v Varmii i Mazu-rakh (Pol'sha) [Regional Politics of Memory in Poland's Warmia and Masuria]. *Baltiiskii region*, 10, 4, 118–131.

Krishtal', M. I. (2022). Vospriyatie molodezh'yu Kaliningradskoi oblasti regional'noi istorii i Velikoi Otechestvennoi voiny v kontekste otnosheniya k figure I. V. Stalina [The Perception of Regional History and of the Great Patriotic War by the Youth of the Kaliningrad Region in the Context of the Attitude to the Figure of Joseph Stalin]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 24, 4, 883–903.

Lavrinnovich, K. K. (1989). *Fridrikh Vil'gel'm Bessel' 1784–1846* [Friedrich Wilhelm Bessel 1784–1846]. M.: Nauka.

Lavrinnovich, K. K. (1995). *Al'bertina: Ocherki istorii Kenigsbergskogo universiteta: k 450-letiyu so vremeni osnovaniya* [Albertina: Historical Sketches of the University of Königsberg: On the 450th Anniversary of Its Foundation]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.

Makhotina, E. (2021). Between heritage and (identity) politics: dealing with the signs of communism in post-Soviet Lithuania. *National Identities*, 23 (5), 511–530.

Mankevich, D. V. (2022). Protsessy demograficheskogo razvitiya v istorii Kaliningradskoi oblasti: obshcherossiiskie tendentsii i regional'naya spetsifika [Demographic Development Processes in the History of the Kaliningrad Region: National Trends and Regional Specifics]. *Baltiiskii region*, 3, 145–164.

Mankevich, D. V., Megem, M. E. (2023). Inostrannoe nasledie v memorial'nom landshafte Kaliningradskoi oblasti [Foreign Heritage in the Memorial Landscape of the Kaliningrad Region]. *Baltiiskii region*, 2, 139–155.

Mankevich, D. V., Megem, M. E. (2023). Otechestvennaya istoriya v kul'turnoi pamyati kaliningradtsev [Domestic History in the Cultural Memory of Kaliningrad Residents]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istorieskie nauki*, 1, 48–60.

Maslov, V. N. (2017). Ekskursionnaya deyatel'nost' i formirovanie istoricheskoi pamyati kaliningradtsev v 1964–1975 godakh [Excursion Activity and the Formation of the Historical Memory of Kaliningrad Residents in 1964–1975]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 4, 77–84.

My ego vzorvem: kak glava oblasti i pisatel' sporili o sud'be Korolevskogo zamka [We're Going to Blow It Up: How the Head of the Region and a Writer Argued Over the Fate of the Royal Castle]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/22664039-my-ego-vzorvem-kak-glava-oblasti-i-pisatel-sporili-o-sudbe-korolevskogo-zamka.html> (accessed: 15.04.2023).

Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, struktury, narrativy: kollektivnaya monografiya [The Politics of Memory in Contemporary Russia and in Countries of Eastern Europe: Actors, Structures, Narratives] (2020) / pod red. A. I. Millera, D. V. Efremenko. SPb.

Repina, L. P. (2013). Pamyat' o proshlom kak yabloko razdora, ili eshche raz o (mezhd)distsiplinarnosti [Memory of the Past as an Apple of Discord, Or Again on (Inter)Disciplinarity]. *Istorieskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 1 (13), 25–32.

Rosenberg, T. J. (2015). Contemporary Holocaust Memorials in Berlin: On the Borders of the Sacred and the Profane. *Holocaust and its Contexts*, 73–89.

Safronovas, V. (2012). O postizhenii vostochnoprusskogo goroda posle 1945 goda. Sootno-shenie ego vos-priyatii vo vsesoyuznoi, natsional'noi, lokal'noi sistemakh znachenii na primere Klaipedy [On the Comprehension of the East Prussian City After 1945. Correlation of Its Perceptions in All-union, National, Local Systems of Meanings on the Example of Klaipeda]. *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*, 24. Klaipeda, 230–276.

Vzryvy propagandista: kto unichtozhal i kto pytal'sya sokhranit' Korolevskii zamok [Propagandist Blasts: Who Destroyed and Who Tried to Save the Royal Castle]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/22609823-vzryvy-propagandista-kto-unichtozhal-i-kto-pytal'sya-sokhranit-korolevskiy-zamok.html> (accessed: 15.04.2023).

Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev: Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh [East Prussia Through the Eyes of Soviet Settlers: The First Years of the Kaliningrad Region in the Memoirs and Documents] (2002) / pod red. Yu. V. Kostyashova. SPb.

Vostochnaya Prussiya. S drevneishikh vremen do kontsa Vtoroi mirovoi voiny [East Prussia. From Early History to the End of the Second World War] (1996). Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.

Zinov'ev, A. S. (2021). Identichnost' kaliningradtsev: vliyanie sotsial'nykh ubezhdenii na vybor samoidentifikatsii [Identity of the Kaliningrad Oblast Inhabitants: The Impact of Social Beliefs on the Choice of Self-Identification]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, 85, 4, 565–578.

Сведения об авторах

Максим Евгеньевич Мегем, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия

Дмитрий Владимирович Манкевич, кандидат исторических наук, ведущий сотрудник Центра исследований исторической памяти, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет, Калининград, Россия

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Information about the authors

Maxim E. Megem, Cand. Sci. (History), Director, Centre for the Study of Historical Memory, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Dmitrii V. Mankevich, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Centre for the Study of Historical Memory, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article

*Статья поступила в редакцию 01.05.2023;
одобрена после рецензирования 15.05.2023;
принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 01.05.2023;
approved after reviewing 15.05.2023;
accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 314.7 + 316.325 + 94:159.953 + 39(470.41)

doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан)

Александр Викторович Овчинников

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

Национальный исследовательский «Томский государственный университет», Томск, Россия

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Аннотация. В статье анализируются этнонациональные истории и их роль в качестве важных составных элементов модернизации посттрадиционных, в частности постсоветских, социумов. В ходе исследования установлена прямая связь между содержанием данных нарративов и задачами модернизации. Доказано, что основным актором конструирования этноориентированных рассказов о прошлом является не отдельный автор, а корпорация, находящаяся в сложных внутренних и внешних отношениях соподчинения и перераспределения ресурсов. Был поставлен вопрос о «корпоративной» идентичности, которая для этноцентричного автора важнее ожидаемой идентичности национальной. Выявлены качественные отличия научных и этноориентированных (но позиционируемых как «академические») текстов. Итогом исследования стала попытка разработки методики изучения нарративов этнонациональных историй.

Ключевые слова: этнонациональные истории, модернизация, Республика Татарстан, корпоративизм, гражданская нация, примордиализм, корпоративная идентичность

Для цитирования: Овчинников А. В. Этнонациональные истории: социально-политические основания и экономика конструирования (по материалам Республики Татарстан) // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, № 1. С. 46–60. doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Original article

Ethnonational Stories: Socio-Political Foundations and Economics of Construction (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan)

Alexander V. Ovchinnikov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
National Research "Tomsk State University", Tomsk, Russia

ovchinnikov8_831@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0831-0786>

Abstract. I tried to analyze ethnonational stories as important components of the modernization of post-traditional, in particular, post-Soviet societies. In the course of the study, a direct connection was established between the content of these narratives and the tasks of modernization. It is proved that the main factor in the construction of ethnically oriented stories about the past is not an individual author, but a corporation that is in complex internal and external relations of subordination and redistribution of resources. The question was raised about the "corporate" identity, which for an ethnocentric author is more important than the national identity expected of him. Qualitative differences between scientific and ethnooriented (but positioned "academic") texts are revealed. The result of the study was an attempt to develop a methodology for studying the narratives of ethnonational stories.

Keywords: ethnonational stories, modernization, the Republic of Tatarstan, corporatism, civil nation, primordialism, corporate identity

For citation: Ovchinnikov, A. V. (2023). Etnonatsional'nye istorii: sotsial'no-politicheskie osnovaniya i ekonomika konstruirovaniya (po materialam Respubliki Tatarstan) [Ethnonational Stories: Socio-Political Foundations and Economics of Construction (Based on the Materials of the Republic of Tatarstan)]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 46–60. doi 10.15826/tetm.2023.1.044

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>

Этнонациональные истории и этноцентризм в целом уже несколько десятилетий являются заметными явлениями в общественной и интеллектуальной жизни постсоветского пространства. Учитывая известное тяготение бывших республик СССР к «сплетению» этничности и государственности, сочинения о «прошлом народов» нередко выполняют для новых политий роль официальных идеологий. В академической сфере этнонациональные истории также популярны, а их мифологемы часто выступают «методологическим ядром» гуманитарных исследований. В результате складывается этноцентричная картина мира, не учитывающая всей его сложности и многогранности, что в условиях широкого применения «высоких технологий» может привести к обострению ряда глобальных проблем. Существует явное противоречие между запросом на объективный и логичный анализ

прошлого и настоящего и иррациональными составляющими «объясняющих» нарративов (в последних, например, логическая категория «причины» нередко оказывается замененной мифическим образом на «начала», что говорит о нарушении причинно-следственных связей).

Изучение этнонациональных историй, безусловно, актуально, однако, как и в случае классического мифа, это изучение не должно сводиться только к критике самого повествования (выявлению фактологических ошибок, недосказанностей, прямых фальсификаций и т. д.). Речь идет о современном общественном явлении, которое существует в динамике социальных, политических, экономических и других изменений. В связи с этим в статье предпринимается попытка систематического анализа феномена этнонациональных историй в его связях с иными, на первый взгляд только «внешними», но на деле определяющими факторами.

Учитывая широкий размах объекта исследования, его предмет будет сужен до этнонациональных историй Татарстана (одной из национальных российских республик Среднего Поволжья). Методологическим основанием анализа выступит совокупность концептуальных положений, которую условно можно назвать «теорией модернизации» [Жигайло; Масловский; Побережников; Полтерович; Хорошилов] (учитывая ее претензии на универсальный характер, полученные на материалах Татарстана результаты можно корректно использовать для других постсоветских территорий, в том числе и для России в целом). «Татарстанским» эмпирическим материалом будут проверяться выдвигаемые теоретические положения, в результате чего я попытаюсь начать создание исследовательской модели изучения этнонациональных историй.

Огромный, даже в рамках Татарстана, фактологический материал будет «упорядочен» в структуре ответов на следующие вопросы: 1. Какую роль этнонациональные истории играют в процессах «догоняющей модернизации» и глобализации? 2. Этноориентированные рассказы о прошлом являются следствием «традиционного» корпоративизма или отражением конструирования гражданской нации? 3. Этнонациональные истории — научный феномен или только одна из специфических форм модернизирующегося «общественного сознания»?

1. Роль этнонациональных историй в «догоняющей модернизации» и глобализации. Применяемое к «историям» прилагательное «этнонациональные» связано не столько с логикой внутреннего развития науки, сколько с обязательствами историков перед государством. В странах, еще в XIX в. прошедших этап становления национальных государств и ныне вступивших в постнациональную эпоху [Концептуальные основания...], мобилизационные и интеграционные коннотации «национального» сегодня не так злободневны, как в странах только переживающих нациестроительство или едва вставших на этот путь. Новейшие этнонациональные истории существуют в относительно развитых техногенных государствах, и в рамках современного глобального академического общения имеют свои закономерности

становления и функционирования, отличные от своих «собратьев» XIX в., лишенных критически настроенных конкурентов.

В связи со стоящими перед социумом мобилизационными задачами постсоветские этнонациональные истории тяготеют к выработке «глобальных» схем развития, что напоминает создание универсальных философских систем (Г. Гегеля, К. Маркса и др.) XIX в. Данный «глобальный универсализм» вступает в противоречие с индивидуальным атомизмом и вниманием к гносеологическим аспектам нынешней мировой гуманитаристики. Отсюда стремление авторов этнонациональных историй к «стихийной» объективации своих исследований, утверждениям об изучении некой «объективной реальности» и недоверие к конструктивизму как таковому (под последним нередко понимается что-то нестабильное, искусственное, отошедшее от «вековой нормы»; например, попытки некоторых людей изменить свою идентичность с татарской на болгарскую или кряшенскую директор Института истории Академии наук РТ Р. С. Хакимов связывал с «незнанием истории») [Рафаэль Хакимов: «Политические движения...»]. Допущения об изучении «реальной истории» делают полученные выводы «пригодными» для использования в актуальной политике, позволяют обосновать решения, часто противоречащие воле большинства населения, что как раз и необходимо в ситуации модернизационного рывка (корректно вспомнить о нелюбви теоретиков большевизма к идеализму именно с практической точки зрения, когда представитель пролетариата мог усомниться в необходимости изменения своей жизни на основании того, что она является лишь набором идеальных конструктов; в случае этнонационализма важно сохранить уверенность в реальности «этноса», во имя которого и совершаются преобразования).

Изложенные теоретические выкладки подтверждают материалы официального историописания Татарстана, в рамках которого активно конструируется образ модернизирующегося государственного образования, перед которым, якобы исходя из «логики исторического развития», стоит еще много практических задач. Как уже отмечалось, внешне это похоже на функции классических национальных историй XIX — первой половины XX в., но носит явно

вторичный характер и содержит коннотации, с современных позиций, излишней политической централизации (в условиях глобализации сама необходимость модернизационного рывка и сопутствующая ему общественная солидарность могут быть поставлены под сомнение).

Центральным в историографии Татарстана является образ народа, который воплощает в себе коллективные усилия по модернизации. В рамках такой парадигмы «народ» не может быть лишь «воображаемым сообществом», и поэтому глубина логического анализа на этой категории задерживается («достигает дна»). «Народ» превращается в «коллективную личность», активно участвующую в современной жизни, что напоминает функции почитаемых в традиционных социумах сакральных существ. Упомянутый Р. С. Хакимов, отвечая критикам сформировавшегося только в советское время проекта «единой татарской нации», заявлял, что «наши ученые (имеются в виду сотрудники Института истории АН РТ. — А. О.) не будут заниматься расколом татар по этнографическим, конфессиональным, территориальным и другим признакам! Есть общая история и культура, единый литературный язык татар, а ходить в мечеть или церковь, быть тенгрианцем или атеистом — это личное дело каждого» [Рафаэль Хакимов: «Политические движения...»]. Интересен и в то же время типичен прочитанный на международной конференции доклад казанского историка Б. Р. Рахимзянова «Споры между «татаристами» и «булгаристами» в Татарстане в 1985–1991 годы: академическая битва за «правильный» этноним татар» [Рахимзянов]. Автор доклада не сомневался в объективном существовании социальной общности под названием «татары» и односторонне, с позиций примордиализма и «татаризма», пытался исследовать споры о названии народа.

В рамках историко-эволюционной парадигмы, на мой взгляд, эвристически оправданно поставить вопрос о схожести и преемственности характерных для домодерных обществ споров о единобожии и многобожии и наблюдаемых современных дискуссий о единстве народа, (не)допустимости его раскола и образования «отдельных» народов.

Этнонациональные истории создают мифическое «безвоздушное» пространство,

которое обеспечивает иллюзию максимально беспрепятственного движения социума по пути модернизации. «Мешают» этому движению, «усиливают трение», современная научная антропоцентричная методология и признание прав человека, в том числе на определение своей национальной принадлежности. Отсюда либо их игнорирование, либо использование внешних атрибутов с обязательным сохранением «базовых, всем понятных жизненных истин» (большое значение имеют и мероприятия по «внешней легитимации» написанных в этноцентричном жанре текстов, например, подготовленный усилиями Института истории АН РТ англоязычный сборник статей «Золотая Орда в мировой истории» был презентован в Оксфордском университете [Гиниятуллина], о чем ожидаемо пафосно было рассказано региональными СМИ [Добиться признания...]).

2. Этноориентированные рассказы о прошлом являются следствием «традиционного» корпоративизма или отражением конструирования гражданской нации? Казалось бы, этнонациональные истории априори должны быть частью современного национализма, который преодолевает характерные для традиционного общества семейные, религиозные и корпоративные границы. Однако приставка «этно», оперирующая не к понятным атрибутам гражданства (гражданской нации), а к иррациональным чувствам «крови и почвы», заставляет осторожнее относиться к концепту «национальное». Я попытаюсь показать, что этнонациональные истории отражают не национальные, а корпоративные интересы, которые реализуются через упоминавшийся симбиоз этнического и государственного.

Роль корпоративизма в генезисе этнонациональных историй в целом изучена недостаточно. Даже В. А. Шнирельман, создавший ряд капитальных трудов, посвященных «войнам памяти», хазарскому и арийскому историческим мифам, культурному расизму, спорам между «булгаристами» и «татаристами» в Татарстане [Shnirelman 1996; Шнирельман 1998; Шнирельман 2002] и т. д., и на высоком профессиональном уровне проанализировавший творчество пишущих в жанре этнонациональных историй авторов, по моему мнению, нечасто обращался

к фактору внутри- и межкорпоративных отношений в посттрадиционном обществе (что, впрочем, может быть объяснено влиянием самого корпоративизма). В этих условиях личность исследователя «растворена» в довлеющих над ним коллективистских структурах, а высказываемая точка зрения не может быть признана полностью самостоятельной (примером тому является попытка критики монографии Виктора Александровича «Войны памяти» [Шнирельман 2003а] со стороны Национальной академии наук Азербайджана. Выступившая «официальным» критиком философ Зумруд Кулизаде выражала явно не свою точку зрения [Кулизаде 2010], а корпоративное недовольство азербайджанских историков обоснованными обвинениями в их адрес в мифизации истории Нагорного Карабаха [Шнирельман 2019; Шнирельман 2013]).

Другие исследования постсоветских национальных историй также часто ограничиваются внутренней критикой источника, профессионально указывая на конкретные ошибки, не вызванные научными факторами изменения точек зрения, в крайнем случае анализируются этапы развития нарратива в связи окружающими политическими условиями [Бордюгов]. Вместе с тем еще Э. Дюркгейм отмечал социальную детерминацию религии и мифа [Клейн, 236–239], поэтому понимание мифа невозможно без анализа «окружающего» общественного фона, который (а не отдельный автор) и породил миф.

Обратимся к материалам Татарстана. Отметим, что фактически не существует гражданской истории Татарстана, дискурс о его прошлом представлен по крайней мере тремя этнонациональными историями — татарской, болгарской и крышанской. Каким корпоративным структурам «интересны» эти нарративы?

«История татарского народа» подменяет собой общегражданскую историю, так как «история государственности Татарстана» равнозначна «истории государственности татар» (еще в 1990-е гг. установился канон нарратива, включающий в себя следующие обязательные звенья: империя Хунну, держава гуннов, Великий Тюркский каганат, Великая Болгария, Хазарский каганат, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, историческая травма связанная с «потерей государственности»

со взятием Казани войсками Ивана IV в 1552 г., затем нахождение в составе Российского государства, далее восстановление государственности в «урезанном виде» в 1920 г. в связи с созданием ТАССР и, наконец, «возрождение государственности» в 1990 г. благодаря созданию ТССР и Республики Татарстан) [Фахрутдинов]. Нетрудно догадаться, что акцент именно на политические формы жизни народа в прошлом делает нарратив историей не всего народа, а лишь сложносоставной корпорации современной политической элиты, которая легитимизирует свое положение через обращение к историческому мифу.

Примеров связи властной корпорации и этнонациональных историй можно привести много. В Казани, напротив Дворца Президента (находящегося рядом с законсервированными археологическими остатками ханского дворца и останками казанских ханов), расположен Музей истории государственности Татарстана; в здании Института истории им. Ш. Марджани АН РТ можно встретить кабинет с табличкой Управления делами Президента РТ (наблюдения автора); бывший директор этого института, один из главных идеологов Татарстана, Рафаэль Хакимов не скрывает, что живет в элитном поселке под Казанью рядом с высшими чиновниками республики [У нас традиционно...]; другой идеолог, И. Р. Тагиров, «отличился» монографией по истории татарской государственности, автором предисловия к которой значился действующий на тот момент президент Татарстана М. Ш. Шаймиев) [Тагиров]. Ситуация напоминает историописание в домодерных обществах, в которых внимание историков фокусировалось только на некоторых социальных группах (правящая династия, дворянство и духовенство).

Отличие гражданской нации от характерных для посттрадиционного общества форм политического сожительства заключается в «максимально горизонтальном» взаимодействии различных социальных групп и профессиональных корпораций. Однако в случае Татарстана те же корпорации, наоборот, изолированы друг от друга, а в подобие единства их связывает только подчинение государству.

Академическое сообщество — один из многих элементов дискретной и вертикально соподчиненной корпоративной структуры.

В связи с тем что, как отмечалось выше, историописание отражает социальные и политические запросы только части общества, попытки «оппозиционного творчества» на темы прошлого маргинализуются, о чем можно судить по степени государственного признания (вернее, непризнания) мифов «кряшенской» и «булгарской» историй (чего не скажешь о ставших официальными мифологемах «истории татар»).

Кряшены — группа людей, разделяющих мнение о своей принадлежности к отдельному православному тюркоязычному народу (наподобие гагаузов в Молдавии). В Татарстане их причисляют к «единой татарской нации», так называемым «крещеным татарам». «История кряшен» вызывает интерес у плохо организованных представителей социальных групп, находящихся, как правило, в маргинальном положении между городом и деревней, тогда как «история татар-кряшен» «узаконена» патронатом Генерального директора АО «Холдинговая компания “Ак Барс”» Е. М. Егорова [Руководство] (в дискурсе связи этнонациональных историй и корпоративизма интересен факт назначения директора Института истории АН РТ Рафаэля Хакимова председателем совета директоров ОАО «Казанский медико-инструментальный завод») [Хакимов...].

За «историей булгар» в начале 1990-х гг. стояла академическая корпорация «Институт языка, литературы и истории АН РТ» во главе с влиятельным директором М. З. Закиевым. В результате государственного вмешательства данная корпорация переориентировалась на «историю татар», что сделало булгаристскую «историю булгар» маргинальным нарративом.

Тесную связь корпораций и этнонациональных историй иллюстрирует кейс «возрождения Болгара и Свияжска». В 2010 г. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев уходит в отставку и начинает заниматься казалась бы сугубо гуманитарным проектом восстановления историко-археологических комплексов. «Под этот проект» создается фонд «Возрождение», который начинает собирать на свои нужды, по официальной версии, добровольные пожертвования. На сайте фонда можно найти фиксирующие поступления средств «Книги благодотворителей». Согласно этим документам сбор денег осуществлялся не столько «по отдельным гражданам», сколько по практически всем

трудовым коллективам республики вне зависимости от форм собственности (от детсадов и школ до местных нефтяных и финансовых гигантов). «Пожертвования» осмыслялись как вклад в «общее дело» развития дружеских межнациональных и межконфессиональных отношений посредством «возрождения» «русского и православного» Свияжска и «татарского и мусульманского» Болгара.

За каждым реставрируемым памятником «закреплялась» соответствующая «организация», по профилю своей деятельности имевшая, как правило, отдаленное отношение к истории и археологии. Например, в Свияжске Надвратная церковь Вознесения Господня Успенского монастыря реставрировалась за счет ОАО «Холдинговая компания “АК БАРС”», Сергиевская церковь Иоанна-Предтеченского монастыря — на средства ОАО «Банк “Зенит”», церковь Константина и Елены — ОАО «РИТЭК», ОАО «Нефтяная компания “ЛУКОЙЛ”». В Болгаре «Ханская усыпальница» «возрождались» силами Актанышского муниципального района (вернее, расположенными на его территории бюджетными организациями вроде школ, детских садов и т. д.), «Черная Палата» — ООО «Торговый дом “Акульчев”» из Елабуги, Церковь Успения Пресвятой Богородицы — ОАО «Сбербанк РФ» и т. д. [Республиканский фонд...].

Участвуя в проекте, представители указанных выше структур (от Актанышского муниципального района до Сбербанка РФ и сотни других) вряд ли преследовали общенациональные или общерелигиозные цели. Эти цели декларировались, но заинтересована в их ритуальном проговаривании была лишь политическая элита Татарстана во главе с М. Ш. Шаймиевым (сам проект, консолидировавший множество корпораций, скорее всего был поводом для демонстрации отставным президентом прежних властных возможностей). Вместо ожидаемой национальной идентичности фиксируется идентичность корпоративная, которая маскируется риторикой этнонационализма и соответственно этнонациональными историями.

Отсутствие поддержки со стороны хотя бы одной корпорации может привести адептов определенного варианта этнонациональной истории к печальным последствиям. Примером тому служат видеоматериалы первого, после поддержки властей, «Болгарского джиена»

19 июня 2010 г. На видео фиксируются одинокие фигуры известного булгариста Ф. Нурутдинова и нескольких его сторонников, без особого успеха пытающихся раздавать листовки с призывом о переименовании татар в булгар [Джиен...]. В то же время называющий себя «Верховным муфтием» Талгат Таджутдин, основавший традицию проведения «Болгарских джиенов» еще в 1989 г. и только в 2010 г. получивший официальное признание своего начинания со стороны властей Татарстана, явно переживал успех.

Теснейшую связь «корпоративного» и «этнического» иллюстрируют структура и деятельность Дома Дружбы народов г. Казани. Организация является типичным бюрократическим учреждением, разделенным на «сектора» (согласно проживающим в Казани народам), и «под каждый народ» отведен отдельный кабинет, который занимают представители соответствующих этнических «ассоциаций» или «объединений» (значительную роль в их деятельности играют культурно-исторические вопросы) [Овчинников 2022]. Не социальная реальность определяет бюрократическую структуру ДДН, а, наоборот, стремление политической элиты структурировать социум по выгодным для себя основаниям «материализуется» в устройстве учреждения.

Этнонациональные истории актуализируются в «центре» города, где концентрируются производящие их корпорации — от академических и образовательных учреждений до органов государственной власти. Поэтому, на мой взгляд, корректно ввести понятие «символического сгустка», который включает в себя в том числе и этнонациональные истории и который постепенно, по направлению от центра города к окраинам, «растворяется». Насаждаемые и легитимные образцы «высокой культуры» сменяются манифестирующими образцами «обыденного сознания», мало озабоченными судьбами «великих предков».

Другим «родовым пятном» традиционного общества является антииндивидуализм главного действующего персонажа истории — «народа». Этот образ коллективен. Если в нарративе и появляется «отдельный человек» (правитель, народный герой), то его деятельность будет частью «общенародного дела», иными словами, личностью в полном смысле

этого слова его назвать нельзя. Хотя в нарратив «история татарского народа» в последнее время вкрапляются упоминания о применении «западных» эгоцентричных подходов (изучение повседневности, гендерной истории, антропологии власти и т. д.), общий пласт коллективизма и корпоративности по-прежнему прочен, а «частицы» новомодных теоретических наработок представляют собой явную попытку придания мифу наукообразности.

Если признать конструкты этнонациональных историй современными мифами, то весьма заманчиво, как и в случае с классическими мифами, связать их содержание с социально-политической структурой продуцирующих их общественных отношений.

В Татарстане главной характеристикой общественной действительности являются слабое развитие частной собственности и государственно-монополистическая организация собственности коллективной. Население разделено на трудовые коллективы, контролируемые государством и взаимодействующие с ним и друг с другом по принципам не рыночной, а перераспределительной экономики с заметными элементами более древнего дарообмена. Почти такова же структура этнонациональных историй. Дискретные народы («коллективные личности»), напоминающие отдельные корпорации, взаимодействуют друг с другом во времени и пространстве, затмевая своими образами «единоличников».

Риторика о титульном этносе и связанных с ним народах, видимо, отражает реальное корпоративное деление общества, во главе которого стоит доминирующая корпорация — государство (Рафаэль Хакимов не раз писал о «корпорации» Татарстан с иерархией интересов [Рафаэль Хакимов: «Церковь...»]), в свою очередь, контролируемое земляческо-клановыми объединениями [Буинские...]). Отсюда становится еще более понятным тяготение этнонациональных историй к изучению государственности народа, когда этничность, казалось бы сугубо культурный феномен, очень тесно связывается с современной бюрократией. Иррациональность этничности компенсирует не характерную для посттрадиционных социумов формализованность работы бюрократии, что позволяет «обходить» официальное законодательство в случае его

противоречий с неписаным правом («правдой жизни»).

Важно отметить известную «безликость» образа бюрократии, что связывает представления о ней с отмеченными выше коллективистскими чертами образа «этноса». Этим же можно объяснить заинтересованность в этничности со стороны идеологии. Незаработанность основных понятий (даже специалисты нередко путаются в определениях «народа», «этноса», «нации», «цивилизации», не говоря о «субэтнотносе» или «суперэтнотносе») делает их удобными для использования в постоянно меняющихся политических ситуациях (несколько напоминает намеренно оставляемые «коррупционные лазейки» в законодательстве о рыночных отношениях; видимо, есть определенная связь между доверием к «финансовым пирамидам» и этноцентричным сознанием, когда в условиях коллективной собственности человек привыкает к постоянным перемещениям денег в семье, среди других родственников, сослуживцев и т. д. и психологически готов расстаться со своей «условно» частной собственностью). Таким образом, содержание этнонациональных историй органично вписывается в структуры нерыночной экономики, корпоративного устройства социума, коллективистской идеологии, а также доминирования бюрократии в обществе.

В подобном окружении нарративы о прошлом не могут быть индивидуалистичными, актуализировать внимание, например, на частной жизни людей, истории повседневности, истории цвета и т. д. В них обязательно должен быть выраженный коллективистский аспект, и не в статичном, а в динамичном состоянии призыва к изменению существующего положения дел (например, к восстановлению «исторической справедливости» и т. д.). «Этнос» своими мобилизационными качествами мало отличается от образов советского «класса» и современной российской «цивилизации». Иные главные персонажи повествования в условиях модернизации и (пост)традиционности не нашли бы понимания у основных акторов конструирования прошлого и их читателей. Автор этнонациональных историй не может не писать по заданной окружающей средой «матрице», и собственно научная методология оказывается второстепенным техническим

фактором легализации «витающего в воздухе» всем понятного эмоционально выраженного знания.

Содержание этнонациональных историй — текстовая визуализация динамичного консенсуса главных конструкторов нарративов — политической элиты, которой нужна удобная для использования идеология, и коллективов историков, которым необходим символический и самый «обычный» капитал. Получение этого капитала принципиально отличается от реалий стран Западной Европы и США, то есть стран с рыночной экономикой и тенденциями распространения постнациональной идентичности. Здесь главным производителем гуманитарного текста является отдельный автор, который предлагает свой «товар» дискретным горизонтально связанным и мало зависимым от государства, но чувствительным к общественному мнению ассоциациям — издательствам, фондам, университетам и т. д. Реальная интеллектуальная конкуренция стимулирует получение объективно нового научного знания, которое и обменивается на символический (научное и общественное признание) и финансовый капиталы (отсюда и добровольное объединение «западных исследователей» в ассоциации, а не в создаваемые и контролируемые государством корпорации).

В «производственном цеху» этнонациональных историй все иначе. Принципиально новое знание выработать очень сложно, так как основные постулаты «истории народа» известны и автор изменить их не в состоянии (ситуация напоминает то же Средневековье, когда прошлое было уже «рассказано» в Библии и вносить что-то новое в его понимание было более чем опасно). Сам автор, таким образом, не является оригинальным автором «своего» текста в полном смысле этого слова, поскольку его «соавторами» в той или иной мере выступают и государство, и другие «заинтересованные» корпорации. Если в «западном» случае мы имеем дело с частной интеллектуальной собственностью, то в кейсе этнонациональных историй представлена коллективная интеллектуальная собственность. «Непосредственный производитель» (отдельный автор) владеет только частью этой собственности; над ним, как и в эпоху Средневековья, находится целая лестница более могущественных собственников,

верховным из которых выступает сакральное существо, но только не христианский Бог, а «народ», который якобы сам пишет свою историю, собственно историки лишь «правдиво фиксируют его священное прошлое».

Типичным проявлением коллективной интеллектуальной собственности может служить доклад, прочитанный директором Института истории АН РТ Р. Р. Салиховым 16 ноября 2022 г. на Всероссийской научно-практической конференции «Россия: единство и многообразие», — «Участие народов Поволжья и Приуралья в развитии многонационального Российского государства: проблематика и перспективы исследований». Радик Римович рассказал о татарстанской академической исторической науке за последние примерно 20 лет, озвучил отстаиваемые сегодня его корпорацией идеологии (кстати, на «180 градусов» противоречащие прежним, 10-летней давности), но при этом «умудрился» не назвать ни одной фамилии конкретного исследователя и не упомянуть хотя бы одну оригинальную концепцию. Историки подчиненного ему учреждения объединялись безличными местоимениями, что отражало реальное доминирование коллективного над личным [Сотрудники...].

Здесь интеллектуальная конкуренция бессмысленна, наоборот, она разрушает коллективную интеллектуальную собственность, что может привести к нарушению обмена с другими корпорациями, социальному напряжению, потому, собственно, научные дискуссии в мире конструирования этнонациональных историй крайне редки, но в то же время для него характерна ожесточенная борьба за право владения хотя бы кусочком общеизвестной истины, за право быть ее транслятором перед политической элитой и обществом.

В СМИ Татарстана регулярно появляются материалы с эмоциональными выпадами сотрудников Института истории и Института языка, литературы и искусства АН РТ, гуманитарных подразделений казанского классического университета по отношению друг к другу [Дамир Исхаков...], ответные же статьи и что-то подобное на полемику можно наблюдать крайне редко. Данные очные и заочные «дискуссии» интересны с исторической точки зрения, так как позволяют, на мой взгляд, понять большую роль межличностных

отношений, то, что называют «восточной интригой», в жизнедеятельности производящих гуманитарные тексты корпораций, а также функции политической элиты в роли своеобразного «третейского судьи».

Таким образом, в динамике модернизационных процессов этнонациональные истории, являясь «пережитками» «традиционного» корпоративизма, маркируют собой своеобразный «переходный этап» развития между ним и гражданской нацией.

3. Этнонациональные истории — научный феномен или специфическая форма модернизирующегося «общественного сознания»? Длительная уже эпоха глобализации выработала общие для всего мира стандарты научного поиска. Они основаны на законах формальной логики и меняющихся в зависимости от нового эмпирического материала методологиях и методиках. «Общие правила интеллектуальной игры» не вызывают возражений в математических, технических и естественных науках, что объясняется понятной «практической отдачей» результатов исследования. То же самое трудно утверждать в отношении социально-гуманитарных наук.

Сегодня появляются мнения, так или иначе ставящие под сомнение универсальность оснований науки [Кузнецов], но речь идет в основном о гуманитарном знании. Объяснить это можно тем, что видимым продуктом творчества гуманитариев являются знаки на бумаге или иных носителях, которые наделяются множественными смыслами в зависимости от ситуаций интерпретации. Сама интерпретация текста о прошлом — это итог гласных или негласных договоренностей между различными социальными группами и внутри них.

Гуманитарный текст может диаметрально противоположно восприниматься, даже в специализированной академической среде, представителями смежных наук, не говоря о СМИ, государстве, «среднестатистическом» обывателе и т. д. Если, например, авиационный двигатель понимать как текст, то в отношении него трудно представить двойственность трактовок: субъект признает смысловую устойчивость текста и прочность субъект-объектных границ. В гуманитарном же знании текст

не имеет жесткой границы, субъект является частью объекта своего же исследования, а описание общественных процессов почти моментально становится их составляющей, так же как трактовка прошлого автоматически изменяет его актуальные образы. Иными словами, если в результате неисправности двигателя происходит катастрофа, то понятно, что это катастрофа и что двигатель был неисправен, альтернативная трактовка однозначно является неверной. В гуманитарной же сфере последствия влияния научных концепций на развитие самой науки и жизнь общества могут быть положительными или отрицательными в зависимости от социальных договоров, в одних из которых может говориться об «исторической катастрофе», а в других — «об освобождении от оков прошлого и новом этапе истории».

Объективно слабое разделение субъекта и объекта делает социально-гуманитарные науки зависимыми от актуальных социальных, политических, экономических процессов и даже от психологии самого исследователя. Учитывая неравномерность развития регионов мира и следуя теориям модернизации, логично признать историческую обусловленность позиционируемых «научными» текстов о прошлом, которые, однако, современны друг другу, что в условиях глобализации приводит к путанице с понятиями, методологической эклектике, попыткам установления иерархичной интеллектуальной соподчиненности и т. д. Эти проблемы академического знания и выразились в рассматриваемых дискурсах этнонациональных историй.

Этничность, являющаяся краеугольным камнем повествований, представляет собой один из современных мифических вариантов мировосприятия. Особенность этнической идентичности выражается в синкретизме, когда буквально все вокруг человека «стягивается» в одну систему координат. Иллюстрацией этому может стать многотомная Татарская энциклопедия, вмещающая в понятие «татарскость» без преувеличения почти все сведения об истории, культуре, промышленности, демографии, административно-политическом устройстве и многом другом не только территории собственно Татарстана, но и других российских регионов и даже стран зарубежья [Татарская энциклопедия]. Представления

об «этнических ареалах», «этнической родине» включают в объясняющий миф природное окружение — землю, леса, реки, озера и т. д. (см., например, широко используемые в обыденной практике выражения «татарская земля», «русская река», «чувашский дуб» т. д. В связи с этим в историческом повествовании присутствуют не только народы, но и их среда обитания, что часто приводит к биологизации этничности (см., например, так называемый «вмещающий ландшафт» этноса в «теории этногенеза» Л. Н. Гумилева [Шнирельман 2003б] или ныне «модные» построения так называемой «этногенетики» («популяционной генетики») [Овчинников 2020]).

Распространенность в обыденном сознании «мифа крови» и идеологическая необходимость сохранения этого мифа заставляют татарстанских историков публично реагировать на идущие вразрез с этими взглядами работы генетиков. Так, резкой критике на тот момент сотрудника Института археологии АН РТ доктора исторических наук И. Л. Измайлова [Искандер Измайлов...] подверглась статья генетиков, в которой утверждалось, что генофонды различных групп татар имеют мало сходства и потому говорить о генетическом единстве татарской нации не приходится [Татары Евразии...]. Спустя год в Татарстане был запущен проект «Генофонд татар: историко-генетическое исследование», который поддерживался АО «Татнефть». Результатом проекта стало исследование с вполне ожидаемыми выводами: *«несмотря на отдельные отличия и специфику, по внутреннему составу гаплогрупп Y-хромосомы и субкладов все основные татарские территориальные группы Поволжья и Приуралья имеют схожую структуру»* [Генофонд татар, 15]. Биологические составляющие образа народа (напомню, главного действующего персонажа этнонациональных историй, которые на постсоветском пространстве являются одновременно и официальными государственными историями) отражают тенденции к совмещению социального и физиологического, что также свидетельствует о посттрадиционном происхождении всего феномена в целом.

Синкретичность этнонациональных историй наиболее наглядно, как мне кажется, проявилась в крышенском кейсе. Татарскость крышен

конструируется слаженной работой местных историков, политологов, деятелей культуры и даже биологов. Историки на обширном фактологическом материале, в духе примордиализма, пытаются показать происхождение кряшен от татар, на основе чего и выводится их современная «татарскость» [История и культура...; Овчинников, 2018]. Важно отметить однобокую трактовку современной истории кряшен (например, общий посыл диссертации Э. И. Шарафиева состоит в нежелательности «отрыва» кряшен от «своего» «национального ядра», а тенденциозное освещение становления кряшенских общественных организаций противоречит воспоминаниям самих участников этих объединений; стиль работы напоминает штудии 1930-х гг. по истории ВКП(б), в которых, в том числе путем переписывания прошлого большевистского движения, «громилась» партийная фракционность, якобы мешающая единству партии: данная аналогия не случайна, а, на мой взгляд, отражает отмеченную выше необходимость наличия образа монолитного сакрализованного субъекта, олицетворяющего собой сплоченность модернизирующегося общества [Шарафиев]). Политологи в диссертационных работах безоговорочно признают кряшен частью татар и на этой основе строят свои дальнейшие рассуждения [Денисов]. Деятели культуры создают произведения, в которых кряшены рисуются «заблудшими» младшими братьями татар, последние же выступают в роли культуртрегеров [В лучших традициях...]. Биологи (генетики) на основе анализа крови и других физиологических жидкостей доказывают общее происхождение татар и кряшен [Разнообразие...]. Единственное, что выпадает из стройного конструкта «кряшены — это татары», это мнение самих людей, которых фактически наделяют приписанной извне идентичностью.

Таким образом, этнонациональные истории нельзя назвать «научными» в полном смысле этого слова, так как при их конструировании, в силу социально-политических обстоятельств, фактически отсутствует методологический аппарат. Науке эти нарративы ценны тем, что для иллюстрации мифологем в них «вкрапляются» «настоящие» исторические источники, которые тем самым оказываются в научном обороте. Кроме того, этнонациональные

истории сами являются источником для изучения современной им эпохи.

Сказанное позволяет выработать ряд практических рекомендаций, которые дадут возможность лучше понять этноориентированные рассказы о прошлом:

1. Прежде чем начать изучать собственно содержание подобного источника, необходимо ответить на следующие вопросы: страна происхождения текста, регион этой страны, каков характер взаимоотношений между «центром и регионами», в чем специфика публичных высказываний официальных лиц по затрагиваемому в тексте периоду истории (тем самым будет учтен высший уровень коллективной интеллектуальной собственности), а также в чем заключаются особенности подачи интерпретируемых в тексте проблем местной детской литературой (на ее страницах содержание этнонационального мифа представлено, как правило, в «концентрированном» виде)?

2. Важно определить корпоративную принадлежность автора (академическое или образовательное учреждение, конкретные отдел, кафедра или иные структуры), а затем проанализировать «программные» работы их руководителей. Как правило, труды административно влиятельных ученых учитывают взгляды на прошлое высших государственных чиновников и, в свою очередь, очерчивают «рамки интерпретаций» для собственных подчиненных. Если автор изучаемого текста находится вне какой-либо официальной корпорации, то его текст наверняка будет отличаться «радикальными» выводами (обычно это не связанные корпоративными обязательствами «искренние националисты»; в условиях «корпоративной идентичности» «настоящая национальная» идентичность представляется окружающим необдуманном «подставляющим» социальным поведением).

3. Следует попытаться понять, кто является «патроном» автора исследуемого текста, так как содержащаяся в тексте возможная критика других авторов может быть скрытой формой «выяснения отношений» между патронами, что при коллективной интеллектуальной собственности явление распространенное.

4. В посттрадиционном социуме немало важное значение имеют возраст автора, его

родственные связи и их возможная корреляция с административными должностями. Если в пределах одной или нескольких корпораций встречается несколько авторов с одинаковыми фамилиями, то можно предположить наличие родственного клана, имеющего свои интересы и объединенными семейными усилиями стремящегося получить как можно больше благ

от «центра перераспределения» (носителей высшего уровня коллективной интеллектуальной собственности и одновременно «главных читателей»).

Следование данным рекомендациям вполне может стать частью пока еще разрабатываемой методики изучения конкретных текстов этнонациональных историй.

Список источников

- Бордюгов Г. А., Бухараев В. М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М. : АИРО-XXI, 2011. 248 с.
- Буинские, актаньшские и арские: 10 самых влиятельных землячеств Татарстана. 14.11.2022 // Бизнес Онлайн. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/571481> (дата обращения: 01.05.2023).
- В лучших традициях «МЫЖЕОДИННАРОД». Мансур Гыйләжев «Микулай». URL: <https://vk.com/@50502687-v-luchshih-tradiciyah-myzheodinnarod-mansur-gyilev-mikulai> (дата обращения: 01.05.2023).
- Генофонд татар: историко-генетическое исследование. Гаплогруппы Y-хромосомы / М. М. Акчурин и [др.]. Казань. Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. 112 с.
- Гиниятуллина Л. С. Презентация книги “The Golden Horde in World History” (Оxford, Великобритания, 7–8 апреля 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 485–487.
- Дамир Исхаков: «Уволив меня, Хакимов подтвердил, что я попал в точку...». 14 января 2018 // Бизнес Онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/369408> (дата обращения: 01.05.2023).
- Денисов А. Е. Влияние субэтнического национализма на развитие кряшенского субэтнического национального движения : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2020. 23 с.
- Джиен — древний болгарский праздник (видео, начиная с 3-й минуты). URL: <https://yandex.ru/video/preview/1321291580265236406> (дата обращения: 01.05.2023).
- Добиться признания в «Оксфорде»: история татар представлена на международной арене. 31.05.2017 // «Реальное Время». URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/66755-istoriya-tatar-predstavlena-na-mezhdunarodnoy-arene> (дата обращения: 01.05.2023).
- Жигайло В. В. Теоретические концепции модернизации // Рос. эконом. интернет-журнал. 2009. № 4. С. 174–192.
- Искандер Измайлов: «Эта статья — стремление доказать, что татарской нации не существует». 18.12.2016 // Бизнес Онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/332180> (дата обращения: 01.05.2023).
- История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) / [Н. Ю. Альмеева, Р. Р. Аминов, И. Р. Атнагулов и др. ; отв. ред. Р. Р. Исхаков ; гл. ред. Р. С. Хакимов]; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань : [Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ], 2017. 959 с.
- Клейн Л. С. История антропологических учений. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. С. 236–239.
- Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин, А. В. Овчинников, А. А. Линченко. Томск : Издат. дом Том. гос. ун-та, 2019. 224 с.
- Кузнецов Н. В., Соколов А. М. «Общее дело» как принцип национальной науки в России // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, вып. 3. С. 280–292.
- Кулизаде З. Мифы раздора: Армяно-азербайджанское противостояние в этнологических интерпретациях // Вестник аналитики. 2010. № 40 (2). URL: http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=731 (дата обращения: 01.05.2023).
- Масловский М. В. Современные теории модерна и модернизации // Социол. журн. 2008. № 2. С. 31–44.
- Овчинников А. В. «История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 960 с.» : историческая травма насильственной христианизации и попытка ее рационализации // Этнос. Общество. Цивилизация : Пятые Кузеевские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 27–28 сентября 2018 г.). Уфа : Диалог, 2018. С. 572–579.
- Овчинников А. В. Символический предел фронта: «генофонд людей» и миграция, прошлое и настоящее // Журн. погранич. исслед. 2020. № 2 (5). С. 60–76.
- Овчинников А. В. «История старших»: историческая политика Дома Дружбы народов г. Казани // Tempus et Memoria. 2022. Т. 3, № 2. С. 37–46.
- Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Евразийское пограничье. Екатеринбург : Волот, 2001. Т. 4. С. 217–246.
- Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопр. экономики. 2008. № 4. С. 4–24.
- Разнообразие митохондриального генофонда в популяции поволжских татар Республики Татарстан / Е. Н. Конюхова, Нгуен Фьонг Нга, Ф. К. Алимова, О. А. Кравцова // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Т. 152, кн. 2 : Естественные науки. 2010. С. 128–136.

Рафаэль Хакимов: «Церковь и духовные управления мусульман стали бизнес-организациями, а не формой самоорганизации граждан...». 11.01.2014 // Бизнес Онлайн. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/95115> (дата обращения: 01.05.2023).

Рафаэль Хакимов: «Политические движения вроде болгаристов или кряшен появляются от незнания истории» // Бизнес Онлайн. 24.01.2015. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/124187> (дата обращения: 01.05.2023).

Рахимзянов Б. Р. Споры между «татаристами» и «болгаристами» в Татарстане в 1985–1991 годы: академическая битва за «правильный» этноним татар // Программа Международной научной конференции «Лояльность в полиэтнических и национальных государствах», 6–7 февраля 2023 г., Институт истории СПбГУ. С. 10. URL: <https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2023/2023%20Программа.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).

Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан. URL: <https://yanarysh.tatarstan.ru/> (дата обращения: 1.05.2023).

Руководство. Общественная организация кряшен Республики Татарстан. URL: <https://krshn.addnt.ru/management/> (дата обращения: 01.05.2023).

Сотрудники Института приняли участие во Всероссийской научно-практической конференции «Россия: единство и многообразие». 18.11.2022. URL: <http://татаровед.рф/news/838> (дата обращения: 01.05.2023).

Тагиров И. Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана / авт. предисл. М. Ш. Шаймиев. 2-е изд. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. 455 с.

Татарская энциклопедия / гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань : Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ. 2002–2014. Т. 1–6.

Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар / Е. В. Балановская, А. Т. Агджоян, М. К. Жабагин, Ю. М. Юсупов, Р. А. Схалыхо, Д. О. Долинина, А. Д. Падюкова, М. А. Кузнецова, Н. В. Маркина, Л. А. Атраментова, М. Б. Лавряшина, О. П. Балановский // Вестник Моск. ун-та. Антропология. 2016. № 2. С. 75–85.

«У нас традиционно в деревне в Боровом Матюшино Новый год открывает Минтимер Шаймиев». 24.12.2016 // Реальное Время. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/332847> (дата обращения: 01.05.2023).

Факрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана : учеб. Ч. 1 : Древность и Средневековье. Казань : Магариф, 1995. 255 с.

Хакимов Рафаэль Сибгатович // Реальное Время. URL: <https://realnoevremya.ru/persons/1772-hakimov-rafail-sibgatovich> (дата обращения: 01.05.2023).

Хорошилов А. В. Формально-онтологические предпосылки теории модернизации // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. № 3-1. С. 106–114.

Шарафиев Э. И. Общественное и культурное развитие кряшен Республики Татарстан в 1989–2010 гг. : дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Место защиты: Академия наук Республики Татарстан. Казань, 2022. 288 с.

Шницрельман В. А. От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // Вестн. Евразии. 1998. № 1–2. С. 131–152.

Шницрельман В. А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Там же. 2002. № 4. С. 128–147;

Шницрельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : ИКЦ «Академкнига», 2003а. 591 с.

Шницрельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнограф. обозрение. 2003б. № 3. С. 8–21.

Шницрельман В. А. Излечима ли болезнь этноцентризма? Из опыта изучения конструирования образов прошлого — ответ моим критикам // Полит. концептология. 2013. № 1. С. 100–113.

Шницрельман В. А. Ответ моим азербайджанским критикам. 17.03.2019. URL: <https://nashaarmenia.info/2019/03/17/v-a-shnicrельман-ответ-моим-азербайджан/> (дата обращения: 01.05.2023).

Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia. Washington D. C. ; Baltimore ; L. : Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press, 1996. 98 p.

References

Bordyugov, G. A., Bukharaev, V. M. (2011). *Vchershnee zavtra: kak "natsional'nye istorii" pisalis' v SSSR i kak pishutsya teper'* [Yesterday's tomorrow: how "national stories" were written in the USSR and how they are written now]. Moscow: AIRO-KhKhI.

Buinskies, aktanyshskie i arskie: 10 samykh vliyatel'nykh zemlyachestv Tatarstana [Buinsky, aktanyshsky and Arsky: 10 most influential communities of Tatarstan]. 14.11.2022. *Biznes Onlain*. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/571481> (accessed: 01.05.2023).

Denisov, A. E. (2020). *Vliyanie subetnicheskogo natsionalizma na razvitie kryashenskogo subetnicheskogo natsional'nogo dvizheniya: Avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02* [The influence of subethnic nationalism on the development of the Kryashen subethnic national movement: Dissertation abstract... Candidate of Political Sciences]. Kazan, 23.

Dzhien — drevnii bulgarskii prazdnik (video, nachinaya s 3 minuty) [Jien — an ancient Bulgarian holiday (video, starting from 3 minutes)]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/1321291580265236406> (accessed: 01.05.2023).

Dobit'sya priznaniya v Oksforde: istoriya tatar predstavlena na mezhdunarodnoi arene [To achieve recognition in Oxford: the history of the Tatars is presented in the international arena]. 31.05.2017. *Real'noe Vremya*. URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/66755-istoriya-tatar-predstavlena-na-mezhdunarodnoy-arene> (accessed: 01.05.2023).

Fakhrutdinov, R. G. (1995). *Istoriya tatarskogo naroda i Tatarstana: ucheb. dlya sred. obshcheobrazovat. shk., gimnazii i litseev. Ch.1. Drevnost' i srednevekov'e* [The history of the Tatar people and Tatarstan: a textbook for secondary schools, gymnasiums and lyceums. Part 1. Antiquity and the Middle Ages]. Kazan': Magarif.

Genofond tatar: istoriko-geneticheskoe issledovanie. Gaplogruppy Y-khromosomy / M. M. Akchurin i [dr.] [The Tatar gene pool: historical and genetic research. Y-chromosome haplogroups / M. M. Akchurin] (2021). Kazan'. Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 15.

Giniyatullina, L. S. (2017). *Prezentatsiya knigi "The Golden Horde in World History"* (Oksford, Velikobritaniya, 7–8 aprelya 2017 g.) [Presentation of the book "The Golden Horde in World History" (Oxford, UK, April 7–8, 2017)]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 5, 2, 485–487.

Iskander Izmailov: "Eta stat'ya — stremlenie dokazat', chto tatarskoi natsii ne sushchestvuet" [Iskander Izmailov: "This article is an attempt to prove that the Tatar nation does not exist"]. 18.12.2016. *Biznes onlain*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/332180> (accessed: 01.05.2023).

Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.) (2017) [History and culture of the Kryashen Tatars (XVI–XX centuries)] / [N. Yu. Al'meeva, R. R. Aminov, I. R. Atmagulov i dr. ; otv. red. R. R. Iskhakov ; gl. red. R. S. Khakimov]; In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.

Khakimov Rafael' Sibgatovich [Khakimov Rafael Sibgatovich]. *Real'noe Vremya*. URL: <https://realnoevremya.ru/persons/1772-hakimov-rafail-sibgatovich> (accessed: 01.05.2023).

Khoroshilov, A. V. (2018). Formal'no-ontologicheskie predposylki teorii modernizatsii [Formal-ontological prerequisites of modernization theory]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 3–1, 106–114.

Klein, L. S. (2014). *Istoriya antropologicheskikh uchenii* [History of anthropological teachings]. S.-Peterburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 236–239.

Kontseptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnatsional'noi identichnosti [Conceptual foundations of the memory policy and prospects of post-national identity] / V. N. Syrov, O. V. Golovashina, D. A. Anikin, A. V. Ovchinnikov, A. A. Linchenko (2019). Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Kuznetsov, N. V., Sokolov, A. M. (2022). «Obshchee delo» kak printsip natsional'noi nauki v Rossii ["Common Cause" as a principle of National Science in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 38, 3, 280–292.

Kulizade, Z. (2010). Mify razdora: Armyano-azerbaidzhanskoe protivostoyanie v etnologicheskikh interpretatsiyakh [Myths of Discord: The Armenian-Azerbaijani Confrontation in Ethnological Interpretations]. *Vestnik analitiki*, 40 (2). URL: http://www.isoa.ru/art-view.php?bc_tovar_id=731 (accessed: 01.05.2023).

Maslovskii, M. V. (2008). Sovremennye teorii moderna i modernizatsii [Modern modernization theories]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2, 31–44.

Ovchinnikov, A. V. (2018). "Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.). Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 960 s.": istoricheskaya travma nasil'stvennoi khristianizatsii i popytka ee ratsionalizatsii [History and culture of the Kryashen Tatars (XVI–XX centuries). Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2017. 960 p.": the historical trauma of forced Christianization and an attempt to rationalize it]. *Etnos. Obshchestvo. Tsivilizatsiya: Pyatye Kuzeevskie chteniya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ufa, 27–28 sentyabrya 2018 g.). Ufa: Dialog, 572–579.

Ovchinnikov, A. V. (2020). Simvolicheskii predel frontira: «genofond lyudei» i migratsiya, proshloe i nastoyashchee [The symbolic frontier limit: the "human gene pool" and migration, past and present]. *Zhurnal pgranichnykh issledovaniy*, 2 (5), 60–76.

Ovchinnikov, A. V. (2022). "Istoriya starshikh": istoricheskaya politika Doma Druzhby narodov g. Kazani ["The History of the elders": the historical policy of the House of Friendship of Peoples of Kazan]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 37–46.

Poberezhnikov, I. V. (2001). Teoriya modernizatsii: osnovnye etapy evolyutsii [Modernization theory: the main stages of evolution]. *Evrasiiskoe pogranch'e*, 4. Ekaterinburg: Volot, 217–246.

Polterovich, V. (2008). Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii [Modernization strategies, institutions and coalitions]. *Voprosy ekonomiki*, 4, 4–24.

Rafael' Khakimov (1): "Tserkov' i dukhovnye upravleniya musul'man stali biznes-organizatsiyami, a ne formoi samoorganizatsii grazhdan..." [Raphael Khakimov (1): "The Church and spiritual administrations of Muslims have become business organizations, not a form of self-organization of citizens..."], 11.01.2014. *Biznes Onlain*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/95115> (accessed: 01.05.2023).

Rafael' Khakimov (2): "Politicheskie dvizheniya vrode bulgaristov ili kryashen poyavlyayutsya ot neznaniya istorii" ["Political movements like Bulgarists or Kryashen appear from ignorance of history"], 24.01.2015. *Biznes Onlain*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/124187> (accessed: 01.05.2023).

Rakhimzyanov, B. R. (2023). Spory mezhdru "tataristami" i "bulgaristami" v Tatarstane v 1985–1991 gody: akademicheskaya bitva za "pravil'nyi" etnonim tatar [Disputes between "Tatarists" and "Bulgarians" in Tatarstan in 1985–1991: academic battle for the "correct" ethnonym of Tatars]. *Programma Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Loyal'nost' v politicheskikh i natsional'nykh gosudarstvakh"*, 6–7 fevralya 2023 g., Institut istorii SPbGU, 10 URL: <https://events.spbu.ru/eventsContent/events/2023/2023%20Programma.pdf> (accessed: 01.05.2023).

Raznoobrazie mitokhondrial'nogo genofonda v populyatsii povolzhskikh tatar Respubliki Tatarstan [Diversity of the mitochondrial gene pool in the population of Volga Tatars of the Republic of Tatarstan] / E. N. Konyukhova, Nguen Fyong Nga, F. K. Alimova, O. A. Kravtsova (2010). *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 152, 2. Estestvennye nauki, 128–136.

Respublikanskii Fond Vozrozhdeniya pamyatnikov istorii i kul'tury Respubliki Tatarstan [Republican Fund for the Revival of Historical and Cultural Monuments of the Republic of Tatarstan.]. URL: <https://yanarysh.tatarstan.ru/> (accessed: 01.05.2023).

Rukovodstvo. Obshchestvennaya organizatsiya kryashen Respubliki Tatarstan [Guide. Kryashen public Organization of the Republic of Tatarstan.]. URL: <https://krshn.addnt.ru/management/> (accessed: 01.05.2023).

Sharafiev, E. I. (2022). *Obshchestvennoe i kul'turnoe razvitie kryashen Respubliki Tatarstan v 1989–2010 gg. Dis. ... kand. ist. nauk: 5.6.1* [Social and cultural development of the Kryashens of the Republic of Tatarstan in 1989–2010 Dissertation ... Candidate of Historical Sciences]. Kazan', 2022.

Shnirel'man, V. A. (1996). *Who gets the past? Competition for ancestors among nonrussian intellectuals in Russia*. Washington D. C.; Baltimore; L.: Woodrow Wilson Center Press, Johns Hopkins University Press.

Shnirel'man, V. A. (1998). Ot konfessional'nogo k etnicheskomu: bulgarskaya ideya v natsional'nom samosoznanii kazanskikh tatar v XX veke [From Confessional to ethnic: the Bulgarian Idea in the National consciousness of Kazan Tatars in the XX century]. *Vestnik Evrazii*, 1–2, 131–152.

Shnirel'man, V. A. (2002). Identichnost' i obrazy predkov: tatarskiy vybor [Identity and ancestral images: Tatars facing a choice]. *Vestnik Evrazii*, 4, 128–147;

Shnirel'man, V. A. (2003) (1). *Voiny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moskva: IKTs "Akademkniga".

Shnirel'man, V. A. (2003) (2). Lev Gumilev: o t"passionarnogo napryazheniya" do "nesovmestimosti kul'tur" [Lev Gumilev: from "passionate tension" to "incompatibility of cultures"]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 3, 8–21.

Shnirel'man, V. A. (2013). Izlechima li bolezni' etnotsentrizma? Iz opyta izucheniya konstruirovaniya obrazov proshlogo — otvet moim kritikam [Is the disease of ethnocentrism curable? From the experience of studying the construction of images of the past — the answer to my critics]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 1, 100–113.

Shnirel'man, V. A. (2019). Otvet moim azerbaidzhanskim kritikam [The answer to my Azerbaijani critics], 17.03.2019. URL: <https://nashaarmenia.info/2019/03/17/v-a-shnirel-man-otvet-moim-azerbaidzhan/> (accessed: 01.05.2023).

Sotrudniki Instituta prinyali uchastie vo Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Rossiya: edinstvo i mnogoobrazie" [The staff of the Institute took part in the All-Russian scientific and practical conference "Russia: Unity and diversity"]. 18.11.2022. URL: <http://tataroved.rf/news/838> (accessed: 01.05.2023).

Tagirov, I. R. (2008). *Istoriya natsional'noi gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana* / avt. predisl. M. Sh. Shaimiev. 2–e izd. [The history of the national statehood of the Tatar people and Tatarstan / author of the preface Mintimer Shaimiev]. Kazan': Tatar.kn.izd-vo.

Tatarskaya entsiklopediya (2002–2014) [Tatar Encyclopedia]. T. 1–6 / Gl. redaktor M. Kh. Khasanov. Kazan': In-t Tatarskoi entsiklopedii AN RT.

Tatarskiy Evrazii: svoeobrazie genofondov krymskikh, povolzhskikh i sibirskikh tatar [Tatars of Eurasia: the uniqueness of the gene pool of Crimean, Volga and Siberian Tatars] / E. V. Balanovskaya, A. T. Agdzhoyan, M. K. Zhabagin, Yu. M. Yusupov, R. A. Skhalyakho, D. O. Dolinina, A. D. Padyukova, M. A. Kuznetsova, N. V. Markina, L. A. Atramentova, M. B. Lavryashina, O. P. Balanovskii (2016). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Antropologiya*, 2, 75–85.

"U nas traditsionno v derevne v Borovom Matyushino Novyi god otkryvaet Mintimer Shaimiev" ["Traditionally, Mintimer Shaimiev opens the New Year in our village in Borovoye Matyushino"], 24.12.2016. *Real'noe Vremya*. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/332847> (accessed: 01.05.2023).

V luchshikh traditsiyakh «MYZHEODINNAROD». Mansur Gilyazov «Mikulai» [In the best traditions of "MYZHEODINNAROD". Mansur Gilyazov "Mikulai"]. URL: <https://vk.com/@50502687-v-luchshih-tradiciyah-myzheodinnarod-mansur-gyilev-mikulai> (accessed: 01.05.2023).

Zhigailo, V. V. (2009). Teoreticheskie kontseptsii modernizatsii [Theoretical concepts of modernization]. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, 4, 174–192.

Сведения об авторе

Овчинников Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Казанского государственного энергетического университета, Казань, Россия; научный сотрудник философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, Томск, Россия

Information about the author

Alexander V. Ovchinnikov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Management of Kazan State Energy University, Kazan; Researcher at the Faculty of Philosophy of the National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Статья поступила в редакцию 10.04.2023;
одобрена после рецензирования 18.04.2023;
принята к публикации 05.05.2023

The article was submitted 10.04.2023;
approved after reviewing 18.04.2023;
accepted for publication 05.05.2023

Рецензия

УДК 94:159.953 + 004.77 + 82-94:303.4 + 929(470) + 655.552

doi 10.15826/tetm.2023.1.045

Рецензия на монографию Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой «Петр I в медиапамяти»

Алексей Андреевич Цельковский

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия,

alts1085@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Аннотация. Предметом рецензирования является монография Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой «Петр I в медиапамяти». Соавторы монографии исходят из гипотезы, что в XXI в. ключевую роль в конструировании исторической памяти начинают играть медиасредства. Данную гипотезу они обосновывают, исследуя образ Петра I, создаваемый современной медиасредой. Первая глава монографии посвящена анализу трансформации исторической и коллективной памяти под влиянием различных медиасредств и цифровизации. Во второй главе исследуется специфика образа Петра I в медиапамяти. Третья глава посвящена изучению роли образа Петра I в политике памяти и мемориальных войнах. К несомненному достоинству монографии следует отнести удачно выбранный теоретический инструментарий, позволяющий на примере образа Петра I исследовать трансформационные процессы, свойственные современной коллективной памяти.

Ключевые слова: Петр I, историческая память, культурная память, медиа, медиапамять, цифровизация, политика памяти, мемориальная война

Для цитирования: Цельковский А. А. Рецензия на монографию Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой «Петр I в медиапамяти» // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 61–65. doi 10.15826/tetm.2023.1.045

Review

Review of the Monograph “Peter the Great in Media Memory” by D. S. Artamonov and S. V. Tikhonova

Aleksei A. Tselykovskiy

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

alts1085@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2442-5463>

Abstract. The subject of the review is the monograph by D. S. Artamonov and S. V. Tikhonova “Peter I in the Media Memory”. The co-authors of the monograph proceed from the hypothesis that in the XXI century the key role in the construction of historical memory begins to play the media. D. S. Artamonov and S. V. Tikhonova substantiate

© Цельковский А. А., 2023

this hypothesis by examining the image of Peter I, created by the modern media environment. The first chapter of the monograph analyzes the transformation of historical and collective memory under the influence of various media and digitalization. The second chapter explores the specificity of Peter I image in the media memory. The third chapter is devoted to the study of the role of the image of Peter I in the politics of memory and memorial warriors. Among the undoubted merits of the monograph is the well chosen theoretical toolkit, which allows us to study the transformation processes, typical for the modern collective memory, on the example of Peter I image.

Keywords: Peter I, historical memory, cultural memory, media, media memory, digitalization, politics of memory, memorial war

For citation: Tselykovskiy, A. A. (2023). Retseziya na monografiyu D. S. Artamonova and S. V. Tikhonovoi "Petr I v mediapamyati" [Review of the Monograph "Peter the Great in Media Memory" by D. S. Artamonov and S. V. Tikhonova]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 61–65. doi 10.15826/tetm.2023.1.045

Немногие персонажи отечественной истории могут соперничать по популярности с Петром I. Неординарная личность, харизматичный лидер, реформатор, осуществивший цивилизационный выбор и изменивший траекторию культурного развития России, — все эти характеристики превращают Петра I в одного из самых значительных исторических персонажей. В образе выдающихся исторических личностей нередко персонифицируется государство. Через их образы формируется историческая и культурная память, осмысливаются история страны в целом и текущий исторический момент в частности. Как правило, этот образ, отдаляясь от реальной исторической фигуры, в угоду конъюнктурным политическим целям, получает различные, иногда довольно специфические трактовки. Стремление легитимировать современные политические реалии путем апелляции к авторитету исторического лидера, превращение его в символ, выражающий происходящие процессы, — явление широко распространенное в политической и мифотворческой практике. Петр I в этом отношении являет собой яркий пример.

Каждая историческая эпоха так или иначе меняла образ Петра I, наполняя его различными значениями и смыслами. В дореволюционной России образ первого императора занимал одно из центральных мест. Он предстал мифологическим демиургом, создавшим новую Россию. Петровская эпоха стала восприниматься как своеобразное «Осеевое время», разделившее отечественную историю на «до» и «после».

Примечательно, что Петр I сохранил свою актуальность и в советский период. Между Советской Россией с ее грандиозными проектами и петровской Россией действительно

напрашивается историческая аналогия. Петр I в советской культуре изображался «революционером на троне». Аскет, труженик, реформатор, решительно отвергавший изжившие себя старинные устои, — вот основные черты образа Петра I, сложившегося в советское время.

Для постсоветской России образ первого российского императора не утратил свой популярности и востребованности. Как создатель новой российской государственности, он превратился в символ реформаторства, прогрессивного движения вперед. В то же время образ Петра I — полководца-победителя и создателя русского флота — стал символом патриотизма, великодержавности, сильной государственной власти.

Возникает закономерный вопрос относительно значения Петра I для исторической памяти современной России. Решение данного вопроса и является основной задачей монографии исследователей Саратовского государственного университета Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой. Впрочем, спектр рассматриваемых в монографии вопросов гораздо шире и связан с проблемами цифровизации и медиатизации исторической памяти, политики памяти, мемориальных войн. Вопросы, объединенные тематикой «memory-studies» и «digital-science», помимо рецензируемой монографии, рассматривались Д. С. Артамоновым и С. В. Тихоновой в ряде совместных исследований [Артамонов, Тихонова, 2018, 2020–2022]. Данные работы, объединенные общей теоретической основой и методологическим подходом, позволяют говорить о постепенном складывании авторской концепции новой цифровой мифологии и медиапамяти.

Монография состоит из трех глав. В первой главе рассматриваются трансформационные процессы исторической памяти под воздействием цифровизации и формулируются главные методологические принципы исследования. Необходимо отметить, что выстроенную методологию следует отнести к наиболее сильной стороне монографии.

Авторы исходят из установки, что понятие «историческая память» уже не может использоваться в качестве эффективного средства описания и понимания современных механизмов формирования представлений о прошлом. Опираясь на концепцию Я. Ассмана [Ассман], авторы выделяют культурную и коммуникативную память. Культурная память репрезентует формально принятые в обществе представления о прошлом. Акторами в процессе ее создания выступают государственные структуры, социальные институты, представители ученого и творческого сообществ. Это своего рода «официальная» память общества.

Коммуникативная память не институализирована, не является результатом целенаправленной деятельности. Акторы коммуникативной памяти — рядовые индивиды (непосредственные участники событий, их близкий круг общения и т. д.). Появление и распространение новых медиасредств изменило не только процессы формирования исторической памяти, но и привело к вовлечению в данные процессы практически неограниченного количества акторов. В этих условиях уже не только влиятельные политические субъекты, научные сообщества или крупные СМИ формируют историческую память, но и рядовые индивиды получают возможность оказывать влияние на ее формирование. Цифровизация, таким образом, меняет привычный процесс взаимодействия культурной и коммуникативной памяти, приводит к медиатизации коллективной памяти и тем самым образует новую цифровую мифологию медиапамяти.

Современное мифотворчество и его связь с новыми медиасредствами — явление, достаточно хорошо изученное. Еще в середине XX в. М. Маклюэн писал, что «мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному и социальному действию. Мы живем мифически» [Маклюэн, 3]. Тем не менее конкретные

механики появления и трансляции цифровых мифов остаются во многих аспектах неясными. Специфика процессов взаимовлияния исторической памяти, цифровой мифологии и медиапамяти также остается недостаточно исследованной, оставляя множество вопросов. Кто и в какой степени определяет актуальность медиаповестки? Кого можно назвать субъектом цифровой мифологии? Какие закономерности детерминирует процесс складывания медиапамяти и цифровой мифологии?

Во второй главе монографии на примере компьютерных игр, мультфильмов, интернет-мемов, карикатур и анекдотов Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова выделяют и анализируют наиболее рельефные черты образа Петра I в медиапамяти. Анализ этого обширного и разнообразного материала позволяет авторам исследования определиться с ответами на перечисленные выше вопросы. Среди субъектов, определяющих актуальность медиаповестки, уже нельзя выделить безусловного монополиста. Медиапродукты создаются на многочисленных интернет-площадках творческими объединениями или независимыми одиночками. Закрепление и тиражирование образа Петра I в медиапространстве определяется интересом к нему со стороны широких масс и прежде всего сообщества интернет-пользователей. Государство, влиятельные политические и общественные силы, крупные СМИ теряют возможность эффективно контролировать эти процессы.

При этом цифровизация и соответственно вовлечение в процессы конструирования исторической памяти большого числа субъектов приводит к мифологизации Петра I как исторического персонажа. В медиапространстве мы видим привычный, ставший «каноничным» облик Петра I: огромный рост, зеленый мундир, треуголка. Его государственная деятельность также свелась к ряду устойчивых смысловых штампов: прорубил окно в Европу, брил боярам бороды, строил на болоте Санкт-Петербург. Стереотипизация и клишированность реального Петра I, вплоть до превращения в шарж, с одной стороны, способствует росту его популярности в медиасреде. Но в то же время все эти стереотипы и клише приводят к предельной мифологизации подлинной исторической фигуры и превращению ее в цифрового

двойника. Об этом пишут авторы монографии: «Двойник — потому, что перед нами вроде бы и образ Петра I, узнаваемый, понятный, воспроизводящий каноны, но за этим образом скрывается не реальная историческая личность, а ее миф» [Артамонов, Тихонова 2022, 3]. То есть упрощение и мифологизированность Петра I являются следствием распространенности, актуальности и востребованности его образа.

Третья глава монографии посвящена политике памяти современной России, а также мемориальным войнам, разворачивающимся вокруг Петра I, Ивана Грозного и И. В. Сталина. За последние два десятилетия в официальном политическом дискурсе и политике памяти одной из ведущих тенденций стало активное обращение к советскому периоду истории. Поэтому сопоставление Петра I и И. В. Сталина вполне закономерно. По своей популярности и востребованности вождь народов является, пожалуй, главным «конкурентом» первого российского императора.

В современной российской мифотворческой практике И. В. Сталин выступает в роли сильного государственника, который не только восстановил разрушенную в ходе Гражданской войны страну, но и увеличил ее экономический потенциал, проведя индустриализацию. С фигурой И. В. Сталина связывается победа в Великой Отечественной войне и превращение Советского Союза в сверхдержаву. При этом на второй план отходят беспрецедентные по своим масштабам политические репрессии и внешнеполитические ошибки И. В. Сталина. Таким образом, И. В. Сталин соперничает с Петром I не только по степени своего величия и исторического значения, но и по степени мифологизированности своей персоны. Играя схожие роли в медиапамяти россиян, оба исторических персонажа становятся частыми участниками мемориальных конфликтов.

Через укоренившийся в исторической традиции факт сыноубийства авторы монографии сопоставляют фигуры Петра I и Ивана Грозного, раскрывая тем самым механизмы медиазабвения.

Таков основной круг проблем, рассматриваемых в монографии Д. С. Артамонова и С. В. Тихоновой. Описывая общее впечатление от рецензируемой работы, можно сказать, что она вызывает неподдельный интерес и дает богатую пищу для размышлений. Внимание исследователей концентрируется на медиасреде и прежде всего на интернет-пространстве. Политическая практика, например, остается авторами практически не затронутой. Однако исследование из-за этого не выглядит однобоким или неполным. По своей структуре оно логично и последовательно. Выстраивая теоретическую и методологическую базу, исследователи переходят к анализу конкретных механизмов, детерминирующих историческую память. Изучая трансформацию памяти, происходящую под влиянием цифровизации, они формируют контуры целостной концепции современной цифровой мифологии и медиапамяти.

«Проводником» в этом исследовании, помогающим нам не заблудиться в сложном переплетении разнообразных тем и вопросов, выступает образ Петра I. Он хорошо знаком нам, но в то же время выглядит необычно и даже странно. У каждого времени «свой» Петр I. Бесспорно, его образ по-прежнему актуален и востребован. Но кто он, современный Петр I? Можно ли сказать, что он превратился в миф? Думается, что да. В эпоху господства медиа это, по-видимому, неизбежно. Мифы могут выполнять конструктивные функции, а могут, вырождаясь в фейки, оказывать разрушающее воздействие на общественное сознание. Об этом пишут сами авторы исследования: «Медиапамять о Петре I не может быть свободной от мифов. Сегодня главная проблема репрезентации образа Петр I в медиасреде заключается в опасности его трансформации в фейк» [Артамонов, Тихонова, 2022, 161]. Какую роль мифы, связанные с образом первого российского императора, сыграют в будущем? Существуют ли способы предотвратить перерождения петровского мифа в деструктивных формах? Хотелось надеяться, что ответы на эти вопросы мы увидим в следующих работах саратовских исследователей.

Список источников

- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. «Гараж» истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020а. № 72. С. 237–254.
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2020б. Т. 20, № 3. С. 234–239.
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Меминг в политике памяти России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 4. С. 450–456.
- Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Петр I в медиапамяти. Саратов : Саратов. источник, 2022. 180 с.
- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешнее расширение человека. М. : Кучково поле, 2014. 464 с.

References

- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2018). Meming v politike pamyati Rossii [Meming in the politics of memory in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 18, 4, 450–456.
- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2020). Ot mifov o proshlom k mifologizatsii vremeni v tsifrovoi mediasrede [From myths about the past to the mythologization of time in the digital media environment]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 20, № 3, 234–239.
- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2020). “Garazh” istorii: tsifrovoi povorot “nezavisimyykh istoricheskikh issledovaniy” [“Garage” of history: the digital turn of “independent historical research”]. *Dialog so vremenem*, 72, 237–254.
- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2021). *Istoricheskaya pamyat' v sotsial'nykh media* [Historical memory in social media]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Aleteiya. 264 p.
- Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V. (2022). *Petr I v mediapamyati* [Peter I in the media memory]. Saratov: Izdatel'stvo “Saratovskii istochnik”. 180 p.
- Assman, Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. 368 p.
- Maklyuen, M. (2014). *Ponimanie Media: Vneshnee rasshirenie cheloveka* [Understanding Media: The External Expansion of Man]. M.: Kuchkovo pole. 464 p.

Сведения об авторе

Цельковский Алексей Андреевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета, г. Липецк, Россия

Information about the author

Aleksei A. Tselykovskiy, Cand. Sci (Philosophy), associate professor department of philosophy Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia

Статья поступила в редакцию 09.03.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2023;
принята к публикации 15.04.2023

The article was submitted 09.03.2023;
approved after reviewing 01.04.2023;
accepted for publication 15.04.2023

Рецензия

УДК 159.953:2 + 316.343.644(470.32) + 655.552

doi 10.15826/tetm.2023.1.046

Рецензия на книгу Т. Ю. Покровской «Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках в селах Черноземья России» (СПб. : Алетея, 2022)

Даниил Александрович Аникин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

Для цитирования: Аникин Д. А. Рецензия на книгу Т. Ю. Покровской «Религиозная память крестьянства в XX–XXI веках в селах Черноземья России» (СПб. : Алетея, 2022) // *Tempus et Memoria*. 2023. Т. 4, № 1. С. 66–68. doi 10.15826/tetm.2023.1.046

Review

Review of the Book by T. Y. Pokrovskaya “The Religious Memory of the Peasantry in the XX–XXI Centuries in the Villages of the Chernozem Region of Russia” (St. Petersburg: Aleteya, 2022)

Daniil A. Anikin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

dandee@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>

For citation: Anikin, D. A. (2023). Retsenziya na knigu T. Yu. Pokrovskoi «Religioznaya pamyat' krest'yanstva v XX–XXI vekah v selakh Chernozem'ya Rossii» (SPb. : Aleteiya, 2022) [Review of the Book by T. Y. Pokrovskaya “The Religious Memory of the Peasantry in the XX–XXI Centuries in the Villages of the Chernozem Region of Russia” (St. Petersburg: Aleteya, 2022)]. *Tempus et Memoria*, 4, 1, 66–68. doi 10.15826/tetm.2023.1.046

В последнее время появляется все больше книг, посвященных различным аспектам коллективной памяти, и само содержание этих книг позволяет говорить о том, что в отечественной науке не только происходят усвоение и интерпретация уже ставших классическими теоретических концепций, но и ставятся вопросы об их применимости

к эмпирическому материалу. В этом смысле монография Т. Ю. Покровской — яркий пример сочетания теоретических и эмпирических аспектов изучения представлений о прошлом. В теоретическом аспекте автор ставит перед собой достаточно амбициозную задачу — обосновать, что «религиозную память можно считать отдельным видом памяти — не только

© Аникин Д. А., 2023

рамкой коллективной памяти» (с. 28). На эмпирическом уровне большая часть монографии представляет собой обработку интервью трех поколений жителей бывшей Курской губернии, посвященных различным аспектам религиозных практик в секулярном и постсекулярном обществе. Учитывая такую разбивку авторского исследования, имеет смысл по отдельности охарактеризовать каждую из частей.

Разработку религиозной проблематики в современных memory studies нельзя считать удовлетворительной, хотя в этом тоже есть определенный парадокс, поскольку еще Морис Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» сделал несколько существенных замечаний по поводу специфики воспоминаний в условиях религиозных сообществ. Т. Ю. Покровская в первой главе своей монографии обобщает практически все исследования, посвященные особенностям религиозной памяти, демонстрируя, что со времен Хальбвакса исследователи существенно продвинулись в понимании многообразия проявлений религиозной памяти. Вместе с тем исходный тезис автора о несводимости религиозной памяти к коллективной стоит признать достаточно спорным. Даже сам Хальбвакс говорит о религиозных сообществах как об одной из форм социальных групп, не противопоставляя религиозную память остальным формам сохранения представлений о прошлом, а скорее указывая на то, что поддержание коллективной идентичности может осуществляться различными культурными (в том числе и религиозными) практиками.

В качестве вывода автор констатирует: «Основываясь на общих обычаях, члены определенного класса путем сохранения традиций в узком социуме (семья — деревня), транслируя личный религиозный опыт и религиозное поведение, создают тем самым не коллективную, а религиозную память. Религиозная память, сохраняя себя в действии и практиках, не только бережет религиозные традиции и обычаи, но и передает их последующим поколениям» (с. 130). В этом развернутом высказывании, которое мы сочли необходимым привести полностью, обращают на себя внимание два существенных момента. Во-первых, как уже говорилось выше, акцентирование внимания на религиозной памяти в противовес

коллективной автоматически ставит вопрос о социальных характеристиках подобного вида памяти. Скорее здесь можно говорить о том, что поддержание религиозной идентичности способствует выработке и сохранению определенных ритуалов и практик, которые могут выходить за пределы других коллективных идентичностей (например, семейной), но это еще не делает данные ритуалы не-коллективными. Во-вторых, обращает на себя внимание уверенность автора в том, что религиозная память бережет религиозные традиции и обычаи. На наш взгляд, такое суждение является не до конца корректным, поскольку память в большей степени акцентирует внимание на поддержании традиции, но вот насколько они в реальности сохраняются? Собранный автором материал позволяет как раз говорить о существенной трансформации религиозных практик.

Эмпирическая часть исследования представляется наиболее интересной, поскольку доставляет читателю непосредственно «полевой материал», но, как известно, любой «полевик» рано или поздно сталкивается с дилеммой К. Гирца. Согласно этой дилемме максимально приближенное к изучаемому сообществу изложение материала не позволяет его осмыслить, а необходимость осмысления приводит к построению определенных теоретических конструкций, которые, разумеется, недоступны для самого изучаемого сообщества (в данном случае — крестьянства). Для подобной интерпретации необходим определенный теоретический инструментарий, который был наработан отечественной социологией и антропологией религии применительно к анализу советского общества, но который, к сожалению, практически не использован в данном исследовании, или, по крайней мере, работы по нему отсутствуют в списке литературы. Имеются в виду как обобщающая работа Н. А. Митрохина «Русская православная церковь. Современное состояние и актуальные проблемы» (2006), так и более конкретные исследования по специфике советской секуляризации, например, работы С. Штыркова и Ж. Корминой, а также свежая монография В. А. Курилова «Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века)» (2002).

Представляется, что обращение к этим исследованиям (особенно к работам С. Штыркова, который посвятил ряд публикаций особенностям религиозности в крестьянской среде) могло бы существенно уточнить и структурировать сделанные автором выводы.

Но даже без такой теоретической подоплеки собранные интервью представляют собой крайне интересный материал для исследования, особенно в аспекте сочленения нескольких понятий: сообщество — память — идентичность.

И здесь мы имеем дело с определенной «матрешкой» идентичностей (локальная, семейная, религиозная), в последовательности сборки которых еще предстоит разбираться. В самом деле, если обратиться к развернутым цитатам из интервью, приведенным в книге, то обращает на себя внимание следующий момент — активное участие в процессе передачи религиозных ценностей и практик членом семьи. Но этот бесспорный факт может трактоваться двояко — и как свидетельство того, что семья выступала институтом религиозной социализации, и как признак сохранения религиозности в качестве атрибута семейной памяти, дань уважения по отношению к предкам, когда даже такие классические элементы религиозности, как молитва или участие в религиозных обрядах, начинают представлять уже совсем иное значение.

Кроме того, автор обращает внимание на то, что контуры религиозной идентичности

в условиях советской секуляризации могли не совпадать с идентичностью семейной (с. 77). По крайней мере, в одной семье могли сосуществовать и носители секулярного сознания (как правило, мужчины, являвшиеся членами КПСС или комсомольцами, занимавшие общественные должности), и носители религиозного сознания (родители-пенсионеры, жены, не занимавшие общественно значимых должностей, до определенной степени — дети).

И здесь кроются очень интересные перспективы для исследования того, как профанирование религиозной традиции повлияло на особенности реконструкции религиозности уже в условиях современного российского общества, которое с очень большими оговорками можно назвать постсекулярным. Собранный автором материал позволяет поставить вопрос о специфике советской модели секулярности, ее вариативности в контексте различных социальных групп, а также о специфике сохранения представлений о прошлом в контексте трансформации религиозных практик.

Монография — это всегда подведение итогов, пусть даже промежуточное, но все-таки... Поэтому хочется верить, что обращение автора к этой плодотворной тематике позволит поставить новые вопросы, актуальные не только в аспекте эмпирического знания, но и для расширения поля мемориальных исследований в отечественной науке.

Сведения об авторе

Аникин Даниил Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

*Статья поступила в редакцию 01.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.06.2023;
принята к публикации 30.06.2023*

Information about the author

Daniil A. Anikin, Cand. Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*The article was submitted 01.06.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 30.06.2023*

Научное издание

TEMPUS ET MEMORIA

2023. Т. 4. № 1

Редактор и корректор
Компьютерная верстка

Т. А. Федорова
Л. А. Хухаревой

Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-79281 от 02 октября 2020 г.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 31.07.2023. Формат 64 × 84 1/8. Гарнитура Charter.
Уч.-изд. л. 7,3. Объем данных 1,1 Мб.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

Данное электронное сетевое издание размещено в электронном архиве УрФУ:
<http://elar.urfu.ru>

TEMPUS
ET
MEMORIA